

Кармалъ Герцен

Морриган

Отражение кривых зеркал

Кармаль Герцен

Отражение кривых зеркал

«1С-Публишинг»

2020

Герцен К.

Отражение кривых зеркал / К. Герцен — «1С-Паблишинг», 2020

Главную героиню зовут Морриган. Она обладает способностью заглядывать в Мир Теней и получать ответы на вопросы, которые для других неразрешимы. Но однажды бесследно исчезает её сестра. При расследовании становится ясно, что кто-то затягивает души людей в зеркала, прямиком в Мир Теней. Разгадать эту загадку предстоит Морриган и её союзнику Дэмьену Чейзу, отступнику и любителю тайн и татуировок.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	13
Глава пятая	16
Глава шестая	19
Глава седьмая	23
Глава восьмая	27
Глава девятая	32
Глава десятая	35
Глава одиннадцатая	39
Глава двенадцатая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кармаль Герцен

Отражение кривых зеркал

Глава первая

Осенью Кенгьюбери – город, покинутый Морриган Блэр шесть лет назад – был особенно красив. Или все дело в ностальгии?

Пока Морриган разглядывала окрестности, страж междугороднего портал-зеркала сжал ее руку и провел пальцами по коже, проводя невидимую черту от запястья до локтя. Под его чарами активировался стройный ряд татуировок. Страж внимательно проверил вытатуированные на коже личные данные – имя и присвоенный Морриган Трибуналом ранг Охотницы.

– А, Вольная, – поморщился он.

Не нужно быть эмпатом, чтобы понять всю глубину неодобрения стража. Снисходительное презрение – так Морриган окрестила бы его отношение к ней. Самое любопытное, что к опытным охотникам за головами – ярчайшим представителям касты Вольных – большинство людей относились с уважением, практически равняющим их с законниками. А вот молодых Вольных – даже Охотниц, как Морриган – чаще всего воспринимали досадными недоразумениями, эдакими глупыми неоперившимися птенцами, вздумавшими поиграть в героев и воинов. Наверное, считали, что они путаются под ногами старших и только и делают, что создают им помехи.

Вот они, двойные стандарты во всей красе!

«Мне всего девятнадцать, я свободна и вольна делать все, что захочу и быть там, где захочу. Ты же подчиняешься префекту – и не только ему – и застрял тут на веки вечные», – мстительно подумала Морриган и выдернула руку. Подчеркнуто сухо осведомилась:

– Я могу идти?

В Кенгьюбери ее привело дело, и она не собиралась задерживаться здесь дольше нескольких часов.

– Иди, – буркнул страж.

Мощные улочки города украшали золотисто-багряные ковры из опавших листьев, которые вот-вот, повинувшись чарам рабочих, превратятся в пыль, оставив после себя только золотистые искры, медленно гаснущие в воздухе. Обычно Морриган нравилась наблюдать за красочным процессом распада – явлением таким же естественным, как сама жизнь. Но чем ближе она подходила к дому сестры, тем больше мрачнела. Тем сильнее – глупо, конечно, и совершенно бессмысленно – сжимала в руках медальон, вызывая в памяти образ Клиодны. Сестра не откликалась.

Попытка самоуспокоения с треском провалилась. Сердце – или же присущая всем ведьмам обостренная интуиция – подсказывало: что-то случилось. В душе поднялась волна тревоги, заглушая все прежние чувства. С Клио что-то произошло – теперь Морриган знала это наверняка.

Дом семьи Блэр, в котором последние пару лет жила одна Клио, встретил ее тишиной и прохладой... и тэной, невидимой для глаз простых обывателей, заполонившей все вокруг, как черный туман. Тэна... откуда она здесь, да еще и в таком количестве?

С детства избрав путь света, Клио никогда не сходила с него. Она не интересовалась черной магией. Даже белую зеркальную, так почитаемую Морриган, Клиодна отвергала, боясь, что однажды ненароком перешагнет опасную грань, на которой сама Морриган балансировала с трудом. Грань, за которой магия становится запрещенной.

А значит, возможны только два варианта событий: либо произошло нечто, что спровоцировало Клио на черные чары, либо... на нее напал кто-то, кто черную магию практиковал.

Гостиная. Стекланный журнальный столик, узкий плафон, в котором порхала разбуженная сущность света, чашка с остывшим чаем – излюбленным напитком Клио. Шкафы до потолка, битком набитые книгами.

Сестры Блэр выбрали разные судьбы, что ни говори. Морриган стала Вольной в тринадцать лет, когда бросила школу и поступила в Кентрай, где обучали Охотников и Охотниц. Три года ее натаскивали, а затем отправили в «вольное плавание» – вместе с группой старших наемников отлавливать отступников. Однако командная работа продлилась недолго – Морриган оказалось гораздо комфортнее в роли одиночки. И именно будучи таковой, она достигала наилучших результатов. Вполне закономерно: пока держишься за чью-то юбку, пока тебя прикрывает чья-то тень, пока кто-то думает и действует за тебя, личностью ты не станешь.

Клиодна привержена старым традициям. Она продолжала учебу в школе и была одной из лучших ее учениц. Что, впрочем, неудивительно: несмотря на пропасть различий между членами семьи Блэр, было у них и кое-что общее: постоянное стремление к совершенству, желание быть лучшим всегда и во всем.

Младшая сестричка Морриган – в этом году ей исполнилось семнадцать – планировала поступить в институт и получить нетипичную для потомственной ведьмы профессию врача. Стоит ли говорить, что Бадб, глава семейства, ее решение не одобряла?

Чутье привело Морриган в спальню. В светильниках бесновались сущности света, кровать не заправлена, на столе – остатки обеда. Она коснулась кончиком пальца овощного пюре. Еще теплое. Взгляд выцепил новую, прежде не замеченную деталь: треснувшее зеркало в медной раме, висящее в дальнем конце спальни. Трещины, как черная паутина, покрывали всю его поверхность. Клио защищалась? Или зеркало разбили чары нежданного гостя? Где тогда она сама?

Все остальные предметы в комнате оказались целы. Если не считать не застеленной кровати и остатков еды на столе, в спальне царил порядок. Стоя посреди комнаты, Морриган прикрыла глаза. Что могло здесь случиться? Кому вообще могла помешать милая скромница Клио?

Не успела она додумать эту мысль, как хлопнула входная дверь. Морриган инстинктивно потянулась к ремню, к которому была прикреплена плетень-молния – ее неизменный атрибут и главное оружие Охотников и Охотниц. Хлыст, по воле владельца мгновенно превращающийся в сокрушительный разряд молнии. Она успела бы воспользоваться им – ее инстинкты были обострены до предела, но вовремя удержала порыв призвать искусственную молнию.

Первое, что Морриган успела заметить – вошедший был облачен в черное пальто с серебряной нашивкой агента Департамента. И только потом увидела, кто предстал перед ней, держа в вытянутой руке револьвер. Выдержка помогла ей сохранить лицо и остаться совершенно невозмутимой, хотя в желудке на какое-то мгновение образовалась щекочущая пустота.

За то время, что они не виделись, он... возмужал. И, судя по нашивке, успел примкнуть к «цепным псам Трибунала» и дослужиться до младшего инспектора. Обычно взъерошенные темно-русые волосы сейчас аккуратно уложены – волосок к волоску, голубые глаза смотрят на Морриган с нескрываемым изумлением. Николас Куинн – лучший друг детства, а ныне – агент Департамента полиции и... почти незнакомый ей молодой мужчина.

– Морриган? – сорвалось с его губ удивленное.

– Ник, – она спокойно кивнула. – Что ты здесь делаешь?

Он нахмурился, вложил в кобуру револьвер.

– Соседи Клио слышали странный шум и чей-то крик, вызвали полицию. Я не знал, что ты в городе.

– Только сегодня переместилась, полчаса назад.

На несколько мгновений в комнате повисло неловкое молчание. Сложно поверить, что когда-то они могли болтать днями напролет.

– Что-то успела найти? – возвращая голосу деловитый тон, осведомился Ник.

– Что-то странное с зеркалом: оно треснуло, но не раскололось и не осыпалось на пол, – сообщила Морриган. – Скорее всего, воздействие чьих-то чар – или Клио, или того, кто здесь побывал. Дверной замок нетронут, защитный барьер – тоже, и не похоже, чтобы его вообще кто-то касался. Возможно, Клио впустила гостя сама. Больше ничего, кроме плотного облака тэны – но это ты, разумеется, видишь и сам.

От внимания Морриган не укрылось странное выражение, промелькнувшее на лице друга детства. Она нахмурилась, сию же минуту расшифровать, но ее отвлек очередной вопрос:

– Клио... говорила тебе что-нибудь?

– Говорила, – хмуро бросила Морриган. – Собственно, именно поэтому я и приехала в Кенгьюбери. Она отговаривала меня, убеждала, что все в порядке, но... я же чувствовала по лицу и голосу, что это не так. Во время последней нашей беседы она сильно нервничала. Говорила, что иногда чувствует, будто за ней кто-то наблюдает. Потом рассмеялась, сказала, что это глупости, что у нее просто буйное воображение... Но Клио никогда не волновалась по пустякам, ты же знаешь. Думаю, она что-то подозревала, – она вздохнула, – только поделиться со мной своими подозрениями не сочла нужным. Ник... Я прошу тебя: помоги мне найти сестру.

Глава вторая

Невероятно. Морриган Блэр – здесь, в Кенгьюбери.

Она казалась еще жестче, еще решительнее, чем прежде – а она и в детстве мягким характером похвастаться не могла. Истинная юная аристократка с тонкими чертами лица и вместе с тем... истинная ведьма: тяжелая волна черных волос ниспадает на спину, черные глаза смотрят холодно и бесстрастно.

Морриган никогда бы не попросила Ника о помощи – для этого она была слишком горда. Если бы только речь не шла о ее сестре...

Когда-то они дружили – все трое. Веселая Клио, радостно хохочущая над любой, даже самой нелепой, его шуткой, и всегда серьезная Морри, при любом подходящем и совсем неподходящем случае напоминающая, что она, «как-никак, потомственная черная ведьма». Несмотря на то, что Ник был на четыре года старше нее, именно Морриган была вожаком их маленькой стаи – на редкость суровым и упрямым, надо сказать, вожаком. Из тех, с кем лучше согласиться, чем затевать все равно обреченный на провал спор.

Дружба распалась, когда Морриган стала Вольной. Пока она училась в школе Охотников и путешествовала по провинции, выполняя наемничьи заказы, Клио и Ник продолжали общаться. Вот только его новая должность, судя по всему, стала для Морриган полной неожиданностью: или Клио не говорила о нем (что вряд ли), или подобного рода новости Мор пропускала мимо ушей (что вероятнее всего).

Ник хмуро огляделся по сторонам. Куда же ты пропала, Клио?

Милая девочка, так непохожая на непокорную и своенравную Морриган... Откуда в ее доме могла взяться гуща тэны, свидетельствующая о применении запрещенной Трибуналом магии? И еще один, куда более насущный и тревожащий его вопрос – что ему теперь делать?

Морриган не знает... Никто не знает и не должен узнать.

Придав лицу уверенное выражение, Ник подошел к треснувшему зеркалу. Вынул из кармана пальто стопку покрытой спектром бумаги размером с игральную карту. Зажал один лист между ладонями и внимательно вгляделся в кривое зеркальное отражение. Как только он отнял руку от бумаги, на ней тут же проявилось изображение – та самая картинка, которая мгновение назад запечатлелась в его сознании. Внимательно просмотрев спектрографию, Ник положил ее в специальный пакет.

На всякий случай он запечатлел кровать, стол и окно. Полицейские эксперты иногда умудрялись распознавать использованные чары благодаря вызванным тэной колебаниям в воздухе, которые искажали окружающее пространство. Правда, что-то подсказывало ему, что в этот раз подобный трюк провернуть не удастся: картинка была очень четкой, а все предметы на спектрографии имели привычные, ровные очертания.

В глазах Морриган Ник явственно видел вопрос: почему он не идет по Следу? Хотел бы он открыться ей и обо всем рассказать, но те времена, когда это было возможно, остались в далеком прошлом.

– Ты видишь След? – не выдержав, спросила она.

В любой другой ситуации Ника позабавило бы то, насколько хорошо он знает Морриган и как легко может предугадать ее реакцию. Но сейчас не до смеха – крик, который слышали соседи Клио, и гуща повисшей в воздухе тэны отчетливо давали понять: здесь произошло нечто серьезное.

Способностью распознавать тэну – темную энергию, оставшуюся после применения запрещенной Трибуналом магии, обладали как агенты Департамента, так и Охотники. Таких людей – с более чутким восприятием, а значит, и умением отличать черную магию от белой – во всем мире очень много. Куда меньше тех, кто умел распознавать среди облака тэны След –

призрачный шлейф, который при должном уровне следопыта мог привести его к заклинателю. Тем, что к двадцати трем годам он дослужился до ранга младшего инспектора, Ник был обязан именно особому восприятию, обостренному, на грани уникальности, видению следа. Когда-то он слыл лучшим следопытом во всем Кенгьюбери...

Измененным от природы внутренним зрением Ник ощущал тэну в виде черного клубящегося тумана, посреди которого сверкала тончайшая серебристая нить – След. Он протянул руку, и нить прильнула к его ладони. Улучив момент, когда Морриган отвлечется на треснувшее зеркало, Ник схватил нить пальцами и торжествующе улыбнулся. Улыбка поблекла, как только растаял След. Ник снова его коснулся, уже зная результат. След ускользал из пальцев, словно серебристая змея, сотканная из эфира.

Сбылись самые худшие его опасения. Клио пропала, а Ник даже не мог ей помочь. Он все еще чувствовал тэну, видел ее невооруженным взглядом, но толку-то, если она не могла привести его к тому, кто оставил шлейф остаточной энергии черных чар. Он был совершенно бессилен.

Дар следопыта, которому Ник под строгим контролем отца обучался с самого детства, с каждым днем становился все слабей.

Глава третья

Когда легкий шок от неожиданной встречи прошел, Морриган мысленно расписала дальнейшее развитие событий: Ник пойдет по Следу тэны и найдет заклинателя, применившего в доме Клиодны черные чары. Каково же было ее удивление, когда он заявил, что След обрывается у порога квартиры. Это было более чем странно: если заклинатель обладал достаточной силой, чтобы развеять След – что умели немногие, – то почему вообще его оставил?

Прежде чем уйти, Ник заверил Морриган, что сделает все возможное, чтобы отыскать Клио. Полностью положиться на него и бездействовать? Увольте. Да, Ник был их старым другом, но достаточно ли этого обстоятельства, чтобы полиция бросила все силы на поиски Клио? Морриган не могла так рисковать. Не могла отдать судьбу сестры в чужие руки. Да и сидеть сложа руки она никогда не умела.

Как только за Ником захлопнулась дверь, она вернулась в спальню. Прикрыла глаза – с закрытыми глазами темная энергия, заполонившая пространство, была еще более ощутима. Морриган не умела различать След, хотя Ник когда-то и пытался ее этому научить, но темную энергию видела вполне отчетливо.

Ходило множество слухов о том, что привело к появлению тэны – остаточного следа от применяемых заклинателями черных чар. Поговаривали, что раньше люди не обладали подобными способностями и «цвета» магии не различали. Кто-то считал, что все дело было в разлитой в воздухе особой магии, кто-то называл причиной умения распознавать тэну постепенное изменение генетики человека. Было и еще более дерзкое, но вполне правдоподобное объяснение: многие были уверены, что при рождении целители по указанию Трибунала помечали каждого человека невидимыми метками – чтобы иметь возможность в дальнейшем контролировать применение черных чар.

Так это было или нет, но тэна служила Охотникам и агентам Департамента хорошим подспорьем в расследовании преступлений. Да и пресловутый След нередко приводил к отступнику – заклинателю, применяющую запрещенную магию.

Но сейчас След был последним, что интересовало Морриган. Она скинула кожаную сумочку на стол и выудила оттуда небольшое зеркало в фигурной раме «под серебро». Достала длинные свечи, аккуратно лежащие в коробке на дне сумки – она никогда не выходила без своих неизменных атрибутов. Без них ее ведьминская магия работала лишь вполсилы.

Растерев воздух между большим, указательным и средним пальцем, Морриган трением разожгла искру. Прикоснулась к фитилю свечи, и мгновением спустя на нем заплесало пламя. Поднеся зажженную свечу к зеркальцу, которое держала в левой руке, сквозь него заглянула в Мир Теней.

Предметы тут же потеряли четкость, тени вытянулись. Магия зеркалиц, которой, хоть и в меньшей степени, обладала и Клио, позволяла сестрам Блэр выгодно отличаться от обыкновенных ведьм, проводящих бесконечные ритуалы в погоне за правдой или величием. Хотя саму Клио последнее никогда не интересовало...

Зеркалицы пользовались уважением – их дар среди ведьм был достаточно редким и весьма непростым в освоении. Даже те, кто умел заглядывать в Мир Теней, не всегда могли распознать знаки, которые он диктовал. Но только там тайное становилось явным, а все загадки обретали смысл. Глядя в зеркало и незримо путешествуя по Миру Теней, Морриган надеялась увидеть то, что было скрыто от глаз обычных людей. Отпечаток, знак, символ – что-то, что даст понять, где искать Клиодну.

Но реальность превзошла все ее ожидания.

Сначала не происходило ничего необычного. Окружающее пространство в отражении зеркальца было искажено и покрыто тэной, будто густым слоем сажи – так происходило всякий

раз на месте действия черных чар. Но Мир Теней молчал – вглядываясь в искаженное отражение, Морриган не видела ничего необычного – ничего, что подсказало бы ей, какие именно чары применил заклинатель и к чему они привели.

Пока взгляд не упал на то самое испещренное трещинами зеркало у стены, которое привлекло внимание Морриган, как только она перешагнула порог спальни сестры. Закаленная охотой на отступников, наблюдавшая самые устрашающие последствий их чар, Морриган почти разучилась и бояться, и удивляться. Но то, что предстало ее глазам, действительно ужасало.

Там, на дне зеркальной глади, в свою очередь отраженной через зеркало в ее руке, застыла... сестра. Чудовищная пародия, отвратительная карикатура на прекрасную и милую Клио. Не она сама – скорее, ее энергетический слепок, видимый лишь в Мире Теней. Призрак, эфемерное подобие и бледная тень Клиодны Блэр, запертая в треснувшем зеркале, как муха в янтаре.

В первое мгновение руки Морриган, державшие зеркальце, задрожали, но она сумела сохранить самообладание. Заставила взять себя в руки и запрятать эмоции подальше: Клио требовалась помощь хладнокровной Охотницы, черной ведьмы, а не сходящей с ума от беспокойства старшей сестры.

Морриган осторожно приблизилась к зеркалу Клио, глядя на его отражение в Мире Теней через зеркальце в руках. Пристально вгляделась в лицо той, что казалась застывшей между двумя мирами – миром мертвых и миром живых. Миловидное лицо сердечком, распахнутые глаза цвета морской волны и светлые волосы. Обеих сестер природа и материнские гены наградили черными волосами, которые Клио упорно красила разрешенной Трибуналом иллюзорной магией в платиновый оттенок. Да так искусно, что никто и не догадывался, что этот цвет волос ей не родной.

Тот самый случай, когда облик идеально отражал истинную сущность, таким нехитрым способом словно проводя между сестрами черту. Клиодна – мягкая, нежная, отзывчивая, мечтающая спасать чужие жизни, оставалась на светлой стороне, тогда как Морриган, охотница за головами и практикующая ведьма, балансировала на тонкой грани между тьмой и светом.

– Клио... что же с тобой сделали? – прошептала она, ледяными пальцами касаясь зеркальной глади. Касаясь щеки того, что было слепком, отражением ее сестры.

Казалось, какая-то неведомая сила затянула Клио в зеркало, где она и застряла. Вот только Морриган знала – той, на чьем красивом лице застыл шок, была не Клио, а лишь ее тень... энергия... Нет, душа. Где же тогда искать ее тело?

Безмолвная Клио в зазеркалье не могла дать ответ, но и оставлять сестру в таком виде Морриган не желала. Она поставила свечу и зеркало на пол таким образом, чтобы в нем отражалась Клио. Прикрыв глаза, соткала из воздуха прочную сферу, магией холода отшлифовала ее стенки, чтобы она стала видимой, напоминающей стеклянный шарик.

Сжимая в руке сферу, повернулась к треснувшему зеркалу и протянула к нему свободную руку. Высвободила магию, стиснув от напряжения зубы. За весь сегодняшний день, оказавшийся таким длинным и страшным, Морриган использовала слишком много чар, и драгоценная жизненная энергия утекала из нее как песок сквозь пальцы – все потому, что магии в ней почти не осталось. Мерзкое это чувство. Все тело охватывает слабость, такая сильная, что грозит свалить с ног. Нужна была медитация или долгий глубокий сон, но такой роскоши сейчас, когда ее сестра в беде, Морриган просто не могла себе позволить.

На выручку пришел экфо – дорогостоящий, но незаменимый браслет с магическими кристаллами, так называемой «подпиткой», который имелся у каждого уважающего себя Охотника. Да и агенты Департамента полиции ими не пренебрегали. Морриган коснулась кнопки на браслете, и в запястье вонзилась тончайшая игла, пропуская в кровь растворенные магические кристаллы. Блаженно прикрыла глаза, чувствуя, как в нее вливается чистейшая магическая

энергия. Зачарованная целительной магией пластина тут же «залатала» место укола, сохранив нетронутой нежную кожу на запястье.

Теперь, когда использование чар больше не угрожало ее жизни и здоровью, Морриган могла довести начатое до конца. Вновь протянув руку к зеркалу, она заставила его сминаться, словно пластилин. С хрустом зеркало корежилось, а высвобожденная из него энергия, принадлежащая Клио, тонкой эфемерной дымкой перетекала в сферу в руках Морриган. Удостоверившись, что вытянула всю энергию до последней капли, она заставила зеркало принять первоначальную форму – на случай, если в дом к Клио нагрянут агенты Департамента.

Морриган внимательно просмотрела зеркало, но понять, что за чары затанули Клио внутрь и что сделали с ее телом, так и не смогла. Тщательно и неспешно изучила сферу, но спустя час сдалась – эти чары были ей совершенно незнакомы. Плохой знак, если учесть, что Морриган была не кем иным, как зеркалицей.

А значит тот, кто затанул душу Клио в зеркало, в обращении с зеркалами был куда искуснее сестер Блэр.

Глава четвертая

За минувшую ночь Морриган так и не смогла заснуть – до рези в глазах вглядывалась в сферу с душой Клио. Ей даже удалось установить некую ментальную связь с сестрой и увидеть ее воспоминания – но, увы, совершенно не те, что были сейчас нужны. Яркие обрывки прошлого – когда их мать была еще жива, когда их жизнь казалась такой размеренной и умиротворенной, расписанной на года вперед. Ощущение, впрочем, обманчивое: трудно назвать жизнь предсказуемой, когда ты – дитя легендарной Бадб. Леди Ворон – или же Леди Война, как называли Бадб те, кто не боялся сказать правду ей в лицо. А плохое о ней страшились говорить даже шепотом, ведь всем известно: у стен есть уши. И Бадб Блэр, как никто другой, умела распознавать голоса стен.

Сжимая в руках сферу, Морриган предавалась воспоминаниям, которые внушала ей энергия Клио. Жаль, в них не было ничего о том, кто заключил ее в зеркало.

Ей не хотелось призывать на помощь Ника, но другого выхода не было. Как любая ведьма, всесильной она не была. Морриган исчерпала все имеющиеся у нее ресурсы, пытаясь разгадать загадку исчезновения сестры, и надеялась, что связи Ника в Департаменте полиции помогут им обоим.

Увы, очередное разочарование. Эксперты не сумели определить по спектрограммам вид чар, что Морриган, однако, совсем не удивило: если знакомые Охотники, к которым она обратилась за советом, за годы странствий по провинции не сталкивались ни с чем подобным, то что могли знать агенты, просиживающие штаны в своих уютных кабинетах? След был оборван и вел в никуда. Соседи, доложившие полицейским о крике, не видели ни до, ни после этого ничего подозрительного.

У них не было ни одной зацепки... кроме души Клиодны.

Чем дольше Морриган рассказывала Нику о проведенном в квартире сестры обряде, тем больше вытягивалось его лицо.

– Подожди... ты хочешь сказать, что вот здесь находится душа Клио? – изумленно проговорил он, указывая на лежащую на столе сферу.

Ник смотрел на Морриган с сочувствием, и это безумно злило.

– Верно, – сухо сказала она. – А теперь мне нужно отыскать ее тело.

– Морриган, я разослал ориентировку агентам и патрульным, спектрограмма Клио встроена в каждый портал в Кенгьюбери. Если она в городе – ее найдут. Но...

– Она не мертва, Ник, – не выдержала Морриган. – Ее душа – здесь, а значит, она еще жива. И точка.

– Но... Ты... – Он резко выдохнул. – Прости, но ты сама сказала, что в этой сфере – душа Клио. Ее мысли, чувства, воспоминания... А значит, в ее теле не осталось ничего из этого.

– Ты не понимаешь очевидных вещей, – резко бросила Морриган. Быть может, даже чересчур резко. Но ее выводил из себя тон Ника, сочувствие и печаль в его взгляде, его жалившие слова. Он говорил и вел себя так, будто Клио уже нет в живых. А это неправда.

– Может, это оттого, что ты никогда не рассказывала мне о своем ремесле? – с холодной усмешкой отозвался Ник. – Ты постоянно пропадала на чердаке или в лесу, творила чары, но всегда отмахивалась, когда я лез к тебе с расспросами. Говорила, что я, не колдун, все равно ничего не пойму. Вот и вся твоя благодарность за то, что постоянно тебя покрывал.

Морриган помрачнела. Спасибо, что напомнил. Сколько ей было тогда? Лет девять? Десять? Жадная до всего, что касалось магии, она порой и впрямь перегибала палку, распространяя вокруг себя облако тэны. Поймай ее тогда отец Ника или его друзья из Департамента, у нее были бы серьезные неприятности.

– Может, если бы ты мне открылась, я бы понимал больше? И не выглядел бы сейчас идиотом, изо всех сил пытаюсь понять, как человека с вынутой душой можно считать живым и невредимым?

Что-то в глазах Морриган заставило Ника осечься.

– Во-первых, «человек с вынутой душой» – моя сестра, Клио Блэр, и не смей ее обезличивать, – прошипела она, гневно сощурившись. – Во-вторых, я не говорила, что она невредима, но это не значит, что я должна перестать лезть из кожи вон, чтобы ее найти! В-третьих...

Морриган заготовила длинную обличительную речь, в которой слово «идиот» произносилось неоднократно и с заметной долей экспрессии, но произнести ее не дали. Помешал медальон на груди Николаса, внезапно загоревшийся красным.

Он не стал уходить в другую комнату, а тут же активировал медальон – простой, без изысков, невзрачный на фоне золотого медальона Морриган, украшенного каплями-рубинами. Перед Ником выросла прозрачная стена, по другую сторону которой находился совсем юный паренек с темными глазами.

– Сэр, пришло сообщение по вашему последнему запросу «КБ1».

Морриган резко вскинула голову. «КБ» в коде запроса, очевидно, обозначало «Клиодна Блэр», а 1 – степень приоритетности запроса, некий маячок для младших агентов, собирающих для инспекторов информацию по тому или иному делу. Приятно, что Ник присвоил делу об исчезновении ее сестры – не убийству и не нападению на политическую элиту – самый высокий статус. Впрочем, Морриган разочаровалась бы в нем, поступи он иначе.

– В Восточном квартале обнаружено тело девушки, предположительно принадлежащее Клиодне Блэр.

Морриган шумно выдохнула. Ник, уточнив информацию и поблагодарив агента, деактивировал медальон – тот вновь стал пластиной серебристо-белого оттенка. Взглянул на Морриган.

– Идешь?

– Нет, посижу дома, журнальчик читаю.

Было совершенно неподходящее время для препирательств, и Морриган прекрасно это понимала. Но сгустившееся внутри напряжение давило, требовало выхода – хотя бы в виде мимолетной вспышки раздражения. Ник остался невозмутим – кажется, за годы их дружбы он успел привыкнуть к тому, что легко и просто с ней не было никогда.

Морриган вышла из дома раньше своего гостя – нетерпение подгоняло. Запирать дверь магической печатью не стала – не было ни времени, ни желания. Лишь одним коротким жестом, сплетением пальцев и слетевших с губ слов накинута на дверь тонкую призрачную паутину. В арендованной квартире и пожить-то нечем, но даже если какой-нибудь неудачник попытается на то малое, что есть в ее доме... пусть потом пеняет на себя.

Она шла рядом с Ником, но мыслями была далеко от него. Ее сердце сейчас рядом с той, что лежала, бездыханная – *бездущная* – между домами Восточного квартала.

Портал-зеркало перенес их на несколько миль, отозвавшись легким трепыханием в желудке, тут же исчезнувшим. Ник уверенно вел Морриган вперед, и спустя несколько шагов она увидела полицейских и зевак. В голове вдруг что-то помутилось. Окружающий мир поблек и расплылся по краям. Лица смазались в едва различимые пятна, голоса превратились в неразборчивый шум. Четким осталось только лежащее на улице тело.

Морриган подходила ближе, медленно сокращая дистанцию между собой и казавшейся такой хрупкой фигуркой, и шаги отзывались в голове ударами молота по наковальне. Девушка полулежала, спиной прислонившись к стене и запрокинув голову.

Лицо сердечком, рассыпавшиеся по плечам платиновые локоны. Это была она. Клиодна.

Морриган обдало могильным холодом: не чары – эмоции, против которых на этот раз оказался бессилён даже хваленый ведьминский самоконтроль. Когда глаза твоей младшей сестры бездумно смотрят в небо, хладнокровие куда-то исчезает.

Наверное, со стороны Морриган могла показаться даже равнодушной – лицо превратилось в маску, в глазах нет ни слез, ни сожаления. Она не плакала, не тормозила бесчувственное тело сестры, не умоляла ее вернуться и задышать. Не было горя утраты – только твердое, как отколовшийся от скалы камень, желание исправить допущенную мирозданием – или судьбой – ошибку. Твердое желание вернуть Клио к жизни – во что бы то ни стало. Даже сейчас, видя сестру бездыханной, Морриган отказывалась признавать ее мертвой.

Клиодна Блэр была потомственной черной ведьмой – хотя и всячески скрывала от других этот факт. А черные ведьмы так просто не умирают.

Глава пятая

Видеть Клио такой – холодной, с белой как снег кожей – было невыносимо. Но еще невыносимее наблюдать, как агенты Департамента кладут ее тело в черный мешок.

Перед этим молодой эксперт осмотрел тело Клиодны и по спектрографии попытался распознать отпечаток чар. Морриган кривила губы, наблюдая за его тщетными попытками произвести на нее, хорошенькую ведьму, впечатление. Эксперт полностью оправдал ее ожидания и с треском провалился. Более того, он даже не сумел увидеть, что лежащая перед ним девушка была убита не здесь. С вырванной душой, которую наверняка заменила другая, Клио миновала портал-зеркало, ведущее в Восточный квартал, прошла несколько шагов и... умерла у одного из домов. Почему?

Кто заменил в теле Клио запертую в зеркале душу? Кому это понадобилось? Почему Клио? Кому помешала не признающая в себе ведьму ученица обыкновенной, не магической, школы и не слишком умелая зеркалица, главные дары которой – сострадание, жизнелюбие и доброта?

Столько вопросов... Столько разбегающихся мыслей в голове... Не собрать – как бисерины, рассыпавшиеся по мраморному полу.

Затесавшись среди зевак, чтобы лишний раз не мозолить глаза полицейским – Охотников они не жаловали и могли из вредности запретить использовать магию на месте происшествия, вмешиваясь в ход расследования, – Морриган вынула из сумки зеркальце и свечу.

Она надеялась увидеть хоть какой-нибудь знак, который поможет расшифровать своеобразное послание, оставленное в доме Клиодны. Понять, что за магия способна затянуть человека в зеркало. Но все было бессмысленно.

Мир Теней снова безмолвствовал.

Даже здесь, на улице, Морриган видела пятна тэны, как черно-сизый дым повисшие в воздухе то тут, то там. Этот след – оборванный, уже порядком растаявший, оставляла за собой Клио, когда шла сюда. Но даже в Мире Теней Морриган не могла соединить клочки тэны в единое целое, чтобы последовать за тем, кто наложил на сестру эти странные чары. И Николас, который какое-то время стоял неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям, к разочарованию обоих, покачал головой. След вел в никуда. Все ниточки, которые могли привести их к убийце Клио, оборвались.

Морриган вернулась в дом сестры, где в воздухе все еще витал шлейф ее легких, цветочных духов. Оставшись в одиночестве и тишине, лихорадочно размышляла. План, поначалу показавшийся едва ли не безумным, понемногу обрастал новыми деталями и все отчетливее формировался в голове. В тот момент, когда она твердо решила действовать, раздался настойчивый стук.

Ворон, зависнув в воздухе, клювом стучал в закрытое окно. Любой другой счел бы это странным и плохим знаком. Любой другой, но только не она.

Морриган открыла ставни. Черная, словно тэна, птица вспорхнула в комнату. Приземлилась на полу, чтобы мгновением спустя обернуться невероятно красивой молодой женщиной с тонкими чертами лица и длинными иссиня-черными волосами. Мало кто догадывался, что в венах этой красавицы застыла такая же черная – мертвая – кровь.

– Здравствуй, мама, – спокойно сказала Морриган.

– Клиодна... Я видела...

Голос Бадб Блэр, легендарной черной ведьмы, звучал хрипло. За время, проведенное в обличье ворона, она понемногу разучалась говорить, и каждая новая беседа с дочерьми давалась ей непросто.

Ей было доступно любое обличье – будь то птица или хищный зверь, но отчего-то Бадб неизменно выбирала ворона – символ утраты, горя и кровавых жертв. Наверное, это вполне закономерно: та, к чьим ногам прежде складывали трупы убитых на войне – на войне, развязанной самой Бадб или во имя Бадб, – и та, что давным-давно была мертва, но отказалась покидать родной мир навсегда, воспевала смерть как неотъемлемую часть жизни.

Даже будучи мертвой, Леди Ворон не оставила дочерей. Хотя Морриган, унаследовавшей ее характер и часть способностей, Бадб благоволила куда больше. Она не могла отдать дочерям свою силу, львиную долю которой потеряла вместе с физическим воплощением, не могла защитить их своей некогда невероятной по мощи магией – почти все, что у нее осталось, уходило на то, чтобы поддерживать существование в мире живых. Но она была рядом – так часто, как могла.

– Магия...

– Ты что-то знаешь о ней? – встрепелась Морриган. – Видела, как это случилось?

Ей бы толику везения... Но не в этот раз – Бадб сокрушенно покачала головой.

– Не была рядом. Магия незнакома.

Разочарованно выдохнув, Морриган побарабанила по столу длинными ногтями.

– Морриган... Я знаю, о чем ты думаешь.

Она встретила взгляд матери твердым взглядом.

– И отказываться от задуманного не собираюсь.

– Может, будет лучше оставить все как есть? – Теперь голос Бадб больше походил на прежний – глубокий, грудной, с хрипыми нотками, когда-то очаровывавший и легковверных юнцов, и искушенных мужчин.

Морриган изумленно взглянула на мать, которая растирала ладонями руки и плечи. В своем новом пограничном состоянии между жизнью и смертью она отчего-то все время мерзла. Не помогала ни магия, которую призывали для матери Морриган и Клиодна, ни теплые шали, ни растопленный камин. Все-таки смерть, даже не отнимая души, все же что-то забирала. И, наверное, этим «что-то» было живительное тепло, которого мертвым так недоставало.

– Поверить не могу! Ты предлагаешь мне смириться со смертью сестры?

– Смерть – еще не конец, – наставительно произнесла Бадб.

– А только начало пути, знаю-знаю, – раздраженно бросила Морриган. В любимом изречении матери было зерно истины, и говорить подобное справедливо... о ком угодно, но только не о Клио.

– Я не предлагаю тебе смириться с утратой – такие, как мы, никогда не уходят навсегда. Но только подумай: она будет рядом со мной, мы вместе – уже вдвоем, две прекрасные черные птицы! – будем присматривать за тобой.

– И кому от этого будет лучше? – мрачно спросила Морриган. – Кому, кроме одной тебя?

Бадб ничего не сказала. Впрочем, все было ясно без слов.

Легендарная Леди Ворон страдала от одиночества. И пускай посмертие открывало перед ней новые горизонты: возможность видеть то, чего не видят другие, наслаждаться свободой и изучать мир, раскинувшийся за ее черным крылом, она все же... тосковала. Бадб хотела превратить трагедию с Клио в новую жизнь для них обеих.

– Нет, мама, я не позволю, – в голосе Морриган звенела сталь. – Клио мечтала стать врачом и помогать людям. Хотела учиться, любить и быть любимой. Завести семью. Если ты забереешь Клио, ты лишишь ее шанса прожить жизнь как нормальный человек, а не мертвая, перевоплощенная ведьма.

Она знала: ее слова резки, но справедливы.

– Морриган, это слишком опасно и непредсказуемо.

– Мама, моя сестра мертва! Мертва, понимаешь? Сделать ей хуже я уже не могу!

– Можешь, – холодно отозвалась Бадб.

Морриган молчала, кусая губы. То, на что она собиралась пойти, и впрямь было очень опасно. Но другого шанса вернуть Клио к жизни она просто не видела.

– Если что-то пойдет не так... Если она сойдет с ума или перестанет быть собой... Я не буду ее мучить. Но я должна хотя бы попытаться все исправить. Неважно, чего хотим мы. Клио прожила слишком короткую, непозволительно короткую жизнь. И она ненавидит черную магию. Если ты превратишь ее в лича, наделишь своими способностями... Она будет в ужасе. Я это знаю.

– А как насчет того, что собираешься сделать ты? – усмехнулась Леди Ворон. – Разве это не те же самые черные чары – к тому же, запрещенные Трибуналом? Даже если не брать в расчет реакцию Клио – я знаю, ты скажешь, что оно того стоит...

– Стоит. И это меньшее из двух зол.

– ...что будет, если ты попадешь в лапы Трибунала? – не слушая ее, продолжала Бадб. – Тогда я могу потерять обеих дочерей.

– Не попадусь, мама, – медленно сказала Морриган. – У меня есть план.

Глава шестая

Человек, променявший детские мечты о «вольности» и безграничной свободе на служение государству – куда менее странное явление, нежели следопыт, потерявший возможность идти по следу.

Это лишь вопрос времени, как скоро главе Департамента станет известно о его проблемах. Ник выиграл немного времени, взяв в напарники Алана Райса, чтобы хотя бы таким – отчаянным – способом прикрыть исчезающий дар следопыта. Но Алан был слишком неопытен, чтобы умело формировать из гущи тэны След, способный привести к заклинателю – для этого требовалась немалая концентрация и выработанная годами сноровка. Он часто ошибался, ожидая, что младший инспектор Николас Куинн исправит его ошибку. А Ник не мог ни сделать этого, ни признаться в своем неумении.

Причина могла быть только одна: проклятие. Дар не исчезает просто так. Дар вообще не исчезает, если в твою жизнь не вмешиваются чужие чары. Черные, несомненно.

И как насмешка судьбы, и так порядком над ним поиздевавшейся – встреча с Морриган Блэр, потомственной и наверняка практикующей черной ведьмой. И уже не насмешка, а открытый удар – Клио... Пускай в последние пару лет они и отдалились друг от друга, пускай виделись лишь раз в месяц, да и то случайно, обмениваясь улыбками и банальными фразами... Пусть изменилась их дружба, но сама Клиодна Блэр – олицетворение доброты, жизнелюбия и искренности – не изменилась. Меньше всего Ник хотел бы, чтобы беда коснулась именно ее. Меньше всех в этом треклятом городе Клио заслуживала смерти.

Он не смог защитить ее, не был рядом, когда ей нужна была хоть чья-нибудь помощь. Клио умерла. А теперь он даже ее убийцу отыскать не мог...

Проблемы начались пару месяцев назад – тогда дар следопыта впервые дал сбой. Сформированный Ником След из тэны – с идеально четкими очертаниями, плотный и отчетливый, привел его напрямик... в здание Департамента полиции Кенгьюбери. Тогда поднялся жуткий переполох, строились самые разные версии – вплоть до своеобразного террористического акта. Подняли на уши чтиц, но те не обнаружили никого подозрительного. И только после часа бесплодных поисков Ник понял свою ошибку.

Оказалось, что он слил воедино два Следа – свежий След отступника, за которым охотился он, и вчерашний След колдуна, пойманного и отведенного в участок его коллегой Раском. Прежде такого никогда не случалось: одно из умений следопыта, отличающее его от всех остальных, кто мог видеть тэну в виде чернильного облака, но не мог использовать ее, чтобы найти заклинателя – отличать Следы друг от друга, распознавать каждый из них.

Приятного в произошедшем было мало. Вит Ротриден, глава Департамента, впервые засомневался, не слишком ли рано он повысил старшего агента до младшего инспектора. И все же случившееся казалось скорее исключением из правил – кто из них никогда не ошибался?

Но когда способности следопыта подвели его во второй раз, Ник насторожился. Стало хуже – четкий всего мгновение назад След обрывался прямо посередине улицы, где, разумеется, никого не оказалось. Отступник просто не мог рассеять тэну – средней руки колдуну это было не под силу. А имели бы дело с могущественным магом – тот рассеял бы ее в том же самом доме, где оставил труп молодой женщины с ритуальными знаками на теле.

Уже второй раз по вине Ника, всего год работающего в должности младшего инспектора, Департамент упустил убийцу. Но и тогда ему удалось выкрутиться – выручила репутация отличного следопыта и несколько громких дел, которые он успешно расследовал в минувшем году. Никто не заподозрил, что Николас Куинн потерял След. Департамент искал отступника, способного этот След развеять, и только Ник знал истинное положение дел. И то, что он знал, его пугало. Его дар исчезал – стремительно и, похоже, неотвратно.

Он понимал – такие сложные чары так просто насылать не будут. Чтобы пойти против Трибунала и воспользоваться черными чарами (а любое проклятие к ним относилось), да еще и направить их против инспектора Департамента, нужна веская причина. Ник должен был во что бы то ни стало узнать, кому он умудрился так сильно насолить. Задача не из легких – особенно, если учесть род его занятий. Скольких отступников он успел отправить в тюрьму?

Можно поставить вопрос иначе: кто из них имел или теоретически мог иметь возможность ему отомстить?

Сидя на диване в своей скромной холостяцкой квартире, Ник глотнул пива, потер пальцами виски. Сосредоточиться не получалось. Ухватить ниточку в веренице кружащих в голове мыслей – тоже. Перед глазами мелькали лица тех, кого он отправил на суд Трибунала, а в голове, как в мемокарде – выдержки из заведенных на них дел: биография, магическая специализация, умения, индивидуальный почерк – характерное плетение чар. Людей, к кому в черный список мог попасть Николас Куинн, набиралось предостаточно, что существенно осложняло поиски.

Медальон на груди мелко завибрировал, разрывая цепочку мыслей. Ник активировал его, зажав в ладони. Медальон мгновенно обнаружил, куда послать проекцию, и на противоположной стене появилось лицо Меган Броуди. Старший инспектор Департамента, кареглазая шатенка с идеально гладким и ровным каре, старше его лет на семь – как большинство женщин, свой истинный возраст она предпочитала не называть. В последнее время они неожиданно сблизились – все чаще ходили в «Асковай», чтобы выпить вишневого пива и поболтать – о чем угодно, только не об отступниках, черных чарах, жертвоприношениях и ритуальных убийствах. Всего этого им с лихвой хватало и в рабочие часы.

Мег любила элегантные платья чуть выше колен, которые превосходно облегали ее стройную фигуру, светлые цвета и минимум украшений и макияжа. Не красавица, но ухоженная и ладная, она была отличной собеседницей, неглупой и остроумной. И все же что-то мешало Нику видеть в ней кого-то большего, нежели просто коллегу. Они ограничивались лишь ненавязчивым легким флиртом и шутливыми перебранками.

– Раск, Геманн и я собираемся сегодня в «Асковай», – сказала Мег, улыбаясь. – Ты с нами?

Ник уже открыл было рот, чтобы отказаться – смерть Клио отбила у него всю охоту к веселью. И вдруг понял: если он не расскажет хоть кому-нибудь о том, что происходит с его даром... он просто взорвется. Этот секрет, так тщательно им оберегаемый, жег изнутри душу. Стыдно признаться в собственной беспомощности, в том, что как инспектор и следопыт он стал неполноценен, нелегко открыться кому-то, когда привык все держать внутри, но... Он может хотя бы попытаться.

– С вами.

– Форма одежды – парадная, – со смешком добавила она. – Точнее – все, что угодно, кроме заляпанных соусом джинсов, в которых Геманн появился в прошлые выходные.

– Хорошо. – Ник отсалютовал ей початой бутылкой. – Я приду без джинсов.

Не растерявшись, Мег прищурила глаза:

– Ты франт. Ты не носишь джинсов. Только черные, всегда тщательно выглаженные брюки.

Ник рассмеялся. Стало неожиданно приятно – раз она знает его стиль, значит, хоть порой за ним наблюдает.

– Уговорила. Я приду без джинсов и без брюк.

Мег очаровательно закатила глаза.

– Одевайся давай. Выход через полчаса. Не заставляй девушку тебя ждать.

Посмеиваясь, Ник одним прикосновением к медальону прервал связь. На сборы он потратил десять минут – надел черные брюки (в своем наблюдении Мег была абсолютно права),

рубашку и начищенные до блеска лакированные ботинки. В голове зазвучал голос совсем еще юной Морриган, со смехом называющей его педантом.

Завершающим штрихом Ник провел пятерней снизу вверх по аккуратно уложенным волосам. Взлохмаченные, они делали его похожим на беспшабашного мальчишку, а этот образ не слишком сочетался со званием младшего инспектора Департамента. Вот и приходилось тщательно приглаживать волосы в попытке придать себе немного строгости и прибавить пару-тройку лет. Хорошо, когда есть люди, с которыми ты можешь побыть самим собой.

Сломанный портал-зеркало, вокруг которого суеился хмурый наладчик, внес коррективы в расписанный до минут план. Пришлось идти до ближайшего портал-зеркала в квартале Эккервис. Даже будь Ник колдуном, сформировать портал не смог бы – подобные чары были запрещены Трибуналом с расплывчатой формулировкой «ради сохранения личной безопасности жителей города».

Когда он вошел в «Асковай», громила Геманн, Мег и рыжий Раск уже были там. Раск как раз отпускал какую-то скабрзную шуточку, ничуть не беспокоясь о присутствии дамы, во-первых, и старшей по званию, во-вторых. Однако вот что им всем нравилось в Меган: она не кичилась тем, что в свои тридцать или около того уже была старшим инспектором и находилась на хорошем счету у главы Департамента.

Пока Раск и Геманн гоготали над анекдотом, Ник перекинулся с Мег парой ничего не значащих фраз. Однако разговор, против обыкновения, не клеился – Нику приходилось вникать в слова коллеги... и все равно переспрашивать, понимая, что слушает ее вполуха.

– Ты последнее время сам не свой, – с тревогой сказала Мег. Карие глаза смотрели участливо.

– Извини.

– Все в порядке?

Он покрутил в руке бокал. Странно, что во всем Кенгьюбери остался, пожалуй, только один человек, с которым он мог поделиться своим позорным секретом. За последние несколько лет одиночество стало больше, чем просто привычкой – второй натурой. И вроде бы много было рядом неплохих людей, но что-то мешало ему называть их друзьями.

Ник долго откладывал этот разговор, но сейчас, когда жизнь стремительно катилась под откос, подминая под себя его карьеру, его репутацию, его мечту, самое подходящее время, чтобы разделить с кем-то свою тайну. Попросить помощи, совета, просто поддержки, на худой конец.

Реакция Мег на его сумбурный монолог уверила Ника в том, что он не зря открыл ей свою душу. Ни разочарования, ни насмешки – лишь безграничное сочувствие.

– Ох, Ник, мне так жаль! Проклятия такого рода, высасывающие из человека дар, сами по себе не рассеются, – расстроилась она. – Ты не избавишься от него, пока не найдешь причину. Или же того, кто это сделал.

– Понимаю, – мрачно ответил Ник, наблюдая, как подвыпивший Раск – и когда, спрашивается, только успел выпить? – заигрывает с хорошенькой официанткой. Сделал хороший глоток пива и отставил в сторону бокал. – Вот только претендентов – как грязи.

– Знаешь, я думаю, что смогу тебе помочь, – задумчиво протянула Мег.

– Эм-м... Ты? Прости, как?

– Я могу выбить тебе пропуск в архив.

Ник нахмурился.

– Я уже думал поднять свои старые дела...

– Там есть не только это, – перебила его Меган. – Благодаря пропуску ты получишь доступ к информации, предназначенной для старших инспекторов. Там куда больше данных, которые могут тебе пригодиться.

Ник откинулся на кожаный диван, окрашенный в цвет спелой вишни. Заманчивое предложение... В Департаменте существовала строгая иерархия: Трибунал тщательно контролировал, какая информация в какие руки попадает, ограничивая уровень допуска званием. Все для того, чтобы в ряды Департамента не затесались так называемые оборотни. Не вервольфы, а люди, по каким-то своим соображениям вздумавшие помогать отступникам.

– Спасибо, Мег, – выдохнул Ник. – Я буду очень благодарен, если ты поможешь мне с этим.

Она ободряюще накрыла ладонью его руку. Одиночество ушло, вспугнутое ее улыбкой.

Глава седьмая

Морриган медленно прохаживалась по квартире Клио, задерживаясь то у стола со сферой, в которой искрилась душа сестры, то у шкафов, где аккуратным рядком стояли многочисленные книги. Никакой развлекательной литературы – сплошь философские труды, учебники по целительству (единственная магия, которую сестра признавала) и медицинские справочники. Клио постоянно подгоняла саму себя: читала до поздней ночи, зубрила, экспериментировала или часами просиживала у цеури, чтобы узнать самую свежую информацию – новые рецепты целительных зелий, последние медицинские статьи и научные дискуссии.

Морриган поймала себя на мысли, что не думает о Клио как о мертвой. И не только потому, что сильно любила сестру и не могла из-за этого смириться с ее смертью... Сдаться можно лишь тогда, когда она перепробует все способы вернуть Клио. И пусть Бадб не одобряет выбор дочери, Морриган пойдет до конца.

Она сжала в руках медальон, вызывая в памяти образ Ника. Понадобилось время, чтобы ниточка ментальной магии дотянулась до сознания инспектора. Как только это произошло, Морриган увидела лицо бывшего друга, отгороженное от нее прозрачной стеной.

– Ник, я хочу присутствовать при обследовании тела.

Прежде, чем принять решение о вскрытии, эксперт Департамента обязан был провести полное исследование, чтобы определить возможные наложенные на тело чары. Морриган знала, что оно ничего не покажет, если уж даже Мир Теней не дал ей ответ. Было важно помешать самому проведению вскрытия.

– Морриган...

– Ник, я целых три года отлавливала отступников для Трибунала, на который работает и твой Департамент. Клио – моя сестра. Просто помоги мне. Обещаю, что не буду путаться под ногами.

Ник некоторое время молчал, испытующе глядя на нее. В любой другой ситуации он наверняка не позволил бы ей вмешиваться в расследование. Но сейчас, когда дело касалось ее сестры и его подруги...

– Хорошо.

Из груди Морриган вырвался облегченный вздох. Портал-зеркалом она добралась до Центрального квартала. Над входом в здание полицейского управления Кенгьюбери висело небольшое зеркало, которое на фоне выкрашенной в песочный тон стены выглядело странно.

Морриган раздраженно поморщилась. Прежде зеркалицы были исключительно ведьмами, что заглядывали в Мир Теней для своих собственных нужд или нужд своих клиентов. Или, как она, Охотницами, наемницами, которые использовали силу зеркал для поиска отступников. Но, увы, времена меняются, а магические способности при смешении крови имеют свойство слабеть. И те зеркалицы, чьих сил не хватало для мощных чар – а даже простое наблюдение за Миром Теней выпивало массу энергии, – подались в профессии менее захватывающие и уважаемые обществом, но более безопасные.

Зеркалицы стали работать на Департамент и переквалифицировались в чтиц – агентов, способных считывать изображения со специальных зеркал, установленных возле всех важных точек Кенгьюбери. Чтецы и вовсе не гнушались работой охранников в различных заведениях города – от баров до продуктовых магазинов. Это злило Морриган – предать их науку, тонкую и сложную магию зеркальных чар...

Впрочем, каждому – по способностям.

У входа ее ждал Николас. Темно-русые волосы вновь аккуратно уложены, сам он собран и спокоен. Держась рядом с инспектором, Морриган миновала пропускной пункт и углубилась в

лабиринт коридоров. Они спускались все ниже, пока не оказались в самом тихом и спокойном месте во всем здании. В морге.

Клиодна лежала на столе. Такая красивая, холодная и безучастная. Настоящая ледяная принцесса. Морриган, не удержавшись, провела пальцем по обескровленной коже щеки, заслужив недовольный взгляд грузного мужчины с темными вихрами – по всей видимости, эксперта по чарам.

– Вескиль, это Морриган Блэр. Морриган...

– Я слышала, – сухо отозвалась она. Вскинула голову, одарив эксперта изучающим взглядом. – Вы уже приступили?

– Нет, по просьбе Ника ждал вас. – В голосе эксперта отчетливо чувствовалась недовольство. Что это за выскочка, которая вмешивается в рабочий процесс?

– Так я уже здесь.

Ноздри Вескиля гневно расширились. Ник покачал головой, послав ему красноречивый взгляд, и эксперт предпочел оставить свои мысли при себе.

Он простер руки над телом Клио, целомудренно прикрытым простыней. Морриган успела заметить слабое свечение, охватившее его руки от запястий до кончиков ногтей, успела увидеть и сеточку паутинных чар, которые оплели тело сестры. Подобной магией она не владела, поэтому с интересом наблюдала за манипуляциями Вескиля.

То тут, то там по бледно-золотистой паутине пробежали яркие алые всполохи.

– Что они означают? – осведомилась Морриган.

– Попытки воздействовать на ауру погибшей, – буркнул Вескиль, недовольный, что его отвлекают. – Чары, проще говоря.

– И вы можете их распознать?

– Могу попытаться, если ты перестанешь лезть ко мне с пустяковыми вопросами.

Морриган гневно сощурила глаза, но заставила себя успокоиться. В ее интересах понять, какие чары затянули душу Клио в зеркало. Нужно узнать, кто ее убил, чтобы виновный смог сполна за это расплатиться.

Вескиль коснулся одного из ярко-красных сгустков. Тот, превратившись в подобие молниевой нити, послушно перекинулся на руку эксперта. В наступившей тишине Морриган отчетливо слышала стук собственного сердца. Вескиль пристально вглядывался в свою ладонь, которую оплели взятые с тела Клио чары. Всматривался очень долго – не меньше нескольких минут – прежде чем сокрушенно покачать головой.

– Что это значит? – не вытерпела Морриган.

– Это значит, что я впервые сталкиваюсь с подобными чарами. Точнее... я отчетливо вижу зеркальную магию. Но, кроме этого, есть еще одно плетение... Похоже на типовое плетение проклятия, но и отличий немерено. Возможно, тот, кто убил твою сестру, сам был носителем проклятия.

– Возможно? – ехидно спросила Морриган. Выдохнула. – Хорошо, но что за проклятие? Вескиль снова помотал головой.

– От него остался только слабый остаточный след. Звенья плетения порваны, недостает слишком многих, чтобы классифицировать проклятие. Я попытаюсь найти совпадения в базе, но шанс очень мал. С такими исходными данными это – как искать иголку в стоге сена.

Морриган разочарованно прикрыла глаза. Очередное поражение.

– Вы можете еще что-то узнать? Хоть что-нибудь?

– Боюсь, что нет. До вскрытия – точно нет.

Она быстро кивнула, взглянула на Ника.

– Спасибо. Думаю, мне пора идти.

Что-то странное отразилось в его взгляде. Разочарование? Не мог понять, почему Морриган так спокойно восприняла смерть любимой и единственной сестры? Почему так холодна и сдержана? Впрочем, раскрывать карты она не спешила.

Ник кивнул, но провожать ее не стал – задержался, чтобы перекинуться парой слов с Вескилем. Это было Морриган только на руку.

Закрыв за собой дверь, она огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что коридор пуст. Вынула из сумки зеркало и свечу, зажгла фитиль одним прикосновением и приблизила свечу к зеркалу. Спустя мгновение в нем отразился верхний план Мира Теней – отражение существующей реальности, в которой все тайное зачастую становилось явным.

Коридор в отражении тонул... нет, не во мраке, как показалось вначале, а в переплетающихся призрачных шлейфах, сотканных, казалось, из самой тьмы. Энергия смерти, пропитавшая холодные помещения морга, в Мире Теней была видна как на ладони.

Морриган знала, что не добьется новых ответов на мучивший ее вопрос, но сейчас дар зеркала нужен был ей для другого.

– *Kes amuada atroin*, – прошептала она.

Дунула на огонек, сравнявшийся цветом с Миром Теней и ставший пепельно-серым. Он не погас – напротив, разгорелся с новой силой. Морриган поднесла свечу как можно ближе к зеркалу, опаяла пламенем его поверхность. Зеркальное отражение подернулось рябью, став похожим на озерную гладь. И настал тот миг, когда рука со свечой прошла сквозь зеркало.

Черноволосая девушка в отражении шагнула в ставшую мягкой и податливой, как пластик, стену. Настоящая Морриган просто исчезла.

Когда Ник с Вескилем вышли из комнаты, на ходу обсуждая рисунок чар на теле Клиодны, они увидели лишь пустой коридор... и стены, сокрывшие в себе Морриган Блэр. Если бы Ник, поднимаясь по лестнице, обернулся назад, он бы увидел черные глаза, глядящие ему вслед прямо из стены. Она развеяла сопровождающую ее чары полупрозрачную вуаль тэны (взаимодействие, прямой контакт с Миром Теней всегда сопровождался проникновением теневой магии в мир живых), лишая агентов шанса понять, что в Департаменте творили черную магию, пусть и самого низшего порядка.

Когда Ник и Вескиль скрылись, Морриган выскользнула из стены. Для этого ей было достаточно просто сделать шаг вперед.

Она приблизилась к столу, на котором, как прекрасная жрица, спящая безмятежным и долгим сном, лежала Клио. Поставила рядом вынутую из сумки небольшую сферу с прозрачными стенками. Сдернув с сестры простыню, отбросила в сторону. Положила руки на ледяную кожу Клио и прошептала: «*Eibias amora!*».

Тело сестры растеряло все свои краски – те немногие, что оставила ей смерть – и стало прозрачным, едва осязаемым, а затем распалось на мириады искр. Искры стали серебристыми бабочками, которые закружились по комнате, взбивая воздух в невидимую пену. Повинуясь воле Морриган, они выстроились в стройный ряд и серебристой лентой впорхнули в сферу. Морриган провела пальцами по прозрачной стенке, запечатывая в ней брешь. Невольно улыбнулась, глядя на медленно кружащихся бабочек.

Клио любила бабочек...

Морриган как-то предложила ей коллекционировать самых красивых из них. Ответом ей был убийственный взгляд – редкий гость на милом личике сестренки, и фраза: «Невозможно восхищаться тем, что мертво». Клио тогда едва исполнилось двенадцать. Было лишь одно исключение из этого правила – их мать, к тому времени прочно поселившаяся в Мире Теней.

Морриган понимала, что сильно рискует, используя запрещенную магию в здании, которое кишело агентами Департамента. Как могла, она развеяла оставленный за собой призрачный след тэны. Впрочем, в этом не было особого смысла: делом Клио занимается Ник, и когда

обнаружат, что ее тело исчезло, он узнает об этом первым. След из тэны ему не понадобится, чтобы сложить два и два.

Она беспрепятственно покинула полицейский участок. Пользоваться портал-зеркалом не стала, чтобы лишний раз не попадаться в объективы зеркал агентов Департамента. Придя домой, выложила на стол обе сферы.

Итак, в ее руках наконец-то были две половинки одного ключа: душа и тело Клиодны Блэр.

Глава восьмая

Николас был в ярости.

– Что-то не так? – хладнокровно спросила Морриган, когда инспектор, подобно бешеному вихрю, ворвался в ее квартиру.

– Тело Клио пропало. А затем чтица по зеркалу слежения увидела тебя выходящей из полицейского участка. И произошло это за несколько минут до того, как Вескель обнаружил пропажу. Твоих рук дело?

Будь прокляты эти чтицы.

– Ник, я никогда бы не пошла против Департамента.

– Ой, да брось, – зло усмехнулся он. – Ты вообще никогда не считаешься с другими. Ты хоть понимаешь, какие неприятности на нас навлекла? Тело человека исчезло, Мор!

Ник никогда бы не назвал ее именем, которое так ее раздражало. Именем, которое, имея прочную связь со смертью, куда больше подошло бы ее матери, нежели ей самой. Значит, он в ярости. Плохо, очень плохо. До ярости Ника как таковой Морриган не было никакого дела. Но она украла тело из морга, нарушила закон. Если инспектор Департамента начнет вставлять ей палки в колеса... убийцу сестры она может не найти никогда.

Оправдываться бессмысленно – Ник знал достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Если отвести от себя подозрения невозможно, нужно сделать хоть что-то, чтобы оправдать свой проступок. И немедленно. Но объяснять Нику, что она задумала... нет, он никогда этого не поймет.

– Я просто хотела сделать хоть что-то для Клио... – прошептала она. – Знаю, это противоречит всем мыслимым правилам, но у нас, у ведьм, свои обряды. Я похитила тело Клио, чтобы... проститься с ней так, как умею.

Морриган не умела плакать. Бадб, которая взяла ее обучение и воспитание под строгий контроль, всегда говорила: слезы – это слабость. «Каждый раз, когда ты плачешь, ты пробиваешь свой внутренний щит, и не дай бог рядом окажется тот, кто увидит твою уязвимость и воспользуется ею». С самого детства Морриган отучила себя плакать. Превращала свою боль в ярость и крушила все вокруг. Ярость – это сила. Так ее учила мать.

Слеза, покотившаяся по ее щеке, была фальшивой, вызванной магией, и ничем иным. Однако Ник об этом не знал и, встревоженный, растроганный таким редким для Морриган проявлением чувств, подошел к ней, сгреб в охапку и прижал к себе. От его гнева не осталось и следа – напротив, от него исходили волны беспокойства и безграничного сочувствия.

Мужчины... Пытаются казаться такими сложными, а на деле – так предсказуемы и просты.

– Но... Морриган... Что, если вскрытие поможет нам найти убийцу? Разве ты не хочешь этого?

– Не поможет, – убежденно сказала она. – Я все перепробовала, и твой эксперт... ты же его слышал. Кто бы ни сотворил это с Клио, он тщательно замел следы. И мне никогда его не отыскать, если только...

– Если только что? – Николас Куин покорно вступил в расставленную для него ловушку.

– Если только я не спрошу об убийце у нее самой. Если церемония прощания с ведьмой пройдет по всем правилам, она никогда меня не покинет – пускай и в обличье духа, но Клио всегда будет рядом со мной.

Ник выглядел сбитым с толку. Не его вина, что большая часть ведьминских секретов навеки так и останется для него секретами. Он не знал даже про Бадб Блэр, которая незримо присутствовала в жизни дочерей, хотя ее жизнь после смерти имела под собой совершенно

другую природу. Морриган многое от него скрывала – даже тогда, когда они были очень близки. Впрочем, тайны всегда были неотъемлемой частью ее странной жизни.

– Прости, Ник, что так с тобой поступила. Но я не могла иначе. Я должна была пойти на это – не только ради себя, но и ради Клио.

Морриган надеялась, что ее слова окончательно растопят лед в сердце Ника – ему ли не знать, что извиняться не в ее привычках. И Клио... Она наверняка занимала важное место в его сердце. Клио легко сходилась с людьми. Светлую, искреннюю, так непохожую на сестру, ее всегда любили.

Ник тяжело вздохнул. Морриган услышала в этом вздохе невысказанное и довольно улыбнулась. В этом раунде победа осталась за ней.

– Тебе нужна помощь? С обрядом? – тихо спросил он.

Совесть кольнула острой иглой – но только на мгновение. Морриган улыбнулась – так искренне, как только могла.

– Я справлюсь, Ник. Спасибо.

Он ушел. Морриган задумчиво повертела в руках медальон, но все же передумала вызывать Джона Гейта. Некоторые вопросы нужно решать с глазу на глаз. Накинув на плечи кожаный плащ и вставив в петлю на поясе плетъ-молнию, она вышла из дома.

Почти позабытый путь до квартала Дарквиш, где проживали семьи, находящиеся у самой черты бедности... Еще не нищие, но уже почти отчаявшиеся исправить что-то в своей жизни. Морриган остановилась у деревянного многоквартирного дома, решительно толкнула подъездную дверь. Лестница на ее появление отозвалась недовольным скрипом, перил Морриган старалась вовсе не касаться.

Наверняка большинство здешних жителей подрабатывают донорами для всемирно известной корпорации «Экфорсайз», производящей браслеты экфо. Или, что еще хуже, донорами совершенно неизвестных фирм, которые пытаются повторить успех «Экфорсайз» менее законными методами. Легкие деньги, но взамен – полное магическое истощение. Поэтому у квартирантов не оставалось магии на починку дома – а она была нужна ему как воздух. Стены обшарпаны, в единственном окне зияет прореха, не очень умело залатанная чарами.

Морриган постучалась в нужную дверь. Подождала несколько мгновений, постучала снова. Нетерпеливо вздохнула. Обостренное ведьминское чутье подсказывало: за дверью кто-то стоит. И, судя по медлительности, гостей он не ждет.

– Эмер Гейт, откройте.

За дверью зашевелились. Миг – и снова воцарилась тишина.

Морриган раздраженно фыркнула. Как утомительно – следовать приличиям!

– Эмер Гейт, это Морриган Блэр. – Тишина. – Открывайте, пока я не взорвала эту дверь к чертовой матери!

В замке завожился ключ. Ну, наконец-то!

На пороге показался Джон Гейт. За прошедшие месяцы он еще больше осунулся и как-то... выцвел. И без того блеклые голубые глаза совсем потухли и стали практически белесыми, спускающиеся ниже ушей темные волосы висели неопрятными тонкими прядями, помятая одежда висела как мешок.

– Морриган... – настороженно произнес Гейт.

Она прошла мимо него в квартиру – очень маленькую, скудно обставленную, но на удивление опрятную. Было заметно, что хозяйничала в нем женщина.

– Эльза с Корой только что уснули. Пожалуйста, тише.

Морриган скользнула равнодушным взглядом по закрытой двери, ведущей в соседнюю комнату. Нахмурившись, огляделась по сторонам. Ощущение, появившееся, как только она вошла, обострилось. Тэна... Она не клубилась плотным туманом, как было в день гибели Клио, а висела в воздухе рваными сгустками дыма.

Она не умела создавать След так хорошо, как делал это Ник. Ему ничего не стоило собрать клубки тэны воедино, сплестя из них призрачный шлейф Следа, который вел от источника чар к заклинателю. Но Морриган этого и не требовалось: она знала – заклинатель стоял за ее спиной. Гейт был не слишком одаренным магом и последствия призыва темных чар развеивать не умел.

Долго искать не пришлось – наибольший сгусток тэны обнаружился у одного из ящиков ободранного, по всей видимости, котенком, комода. Морриган уверенно потянула на себя ящик, игнорируя протестующие вопли эмера Гейта, позабывшего о спящих жене и дочке. Содержимое ящика зазвенело. Изогнув бровь, Морриган изучала взглядом зачарованные кольца, браслеты, ожерелья для не особо придирчивых покупателей – от них всех фонило запрещенной магией. Разбираться, какие на безделушки наложены чары, она не стала. Будто у нее и без того мало дел.

Развернувшись, Морриган в упор посмотрела на Гейта.

– Взялись за старое? – В ее голосе не было упрека – она ему не мать и не жена, чтобы говорить, как нужно жить. Злило ее другое. – Хотя бы прикрывались получше, что ли. Что, если однажды на моем месте окажется кто-то другой, более... принципиальный?

Некстати на ум пришел Николас Куин. Кто-кто, а он скорее умрет, чем нарушит букву закона. Зануда.

Гейт виновато отвел взгляд.

– Зарабатывать надо. Здесь вечно сыро... Кора болеет...

– Не давите на жалость, – резко оборвала Морриган. – Сейчас всем нелегко. Вы бы лучше подумали, что будет, если вас поймает Трибунал. Как Эльза в одиночку прокормит дочь?

– Я осторожен. Просто ты застала меня врасплох.

– Осторожен он, – пробурчала Морриган.

Пока Гейт задвигал ящик обратно, поставила легкий экранирующий щит, впитывающий в себя остатки тэны. На какое-то время этого хватит, чтобы ищейки не унюхали у дома Джона запрещенную магию.

Гейт выпрямился, и Морриган поспешно прекратила плетение чар. Не хватало еще, чтобы он решил, будто она проявляет сострадание.

– Зачем ты здесь? – устало спросил хозяин.

– Вернулась за долгом.

– Догадался, – кивнул Гейт.

– Мне нужно попасть в Пропасть, – бросила Морриган, скрестив на груди руки.

На какое-то время он потерял дар речи.

– Но зачем?

– Не ваше дело, – бархатным голосом отозвалась она.

– Морриган, я... я не знаю, правда... Я слышал о Пропasti, но никогда там не был! Туда попадают только самые привилегированные отступники, если можно так сказать. Те, которые обладают необходимой информацией и связями.

– Так найдите мне одного из них! – теряя терпение, воскликнула Морриган.

В соседней комнате послышались возня и шепотки. Кора и Эльза проснулись.

– Морриган... – Гейт отступал к стене под ее прожигающим взглядом, глаза его бегали. – Я, и правда, ничем не могу тебе помочь.

Она подлетела к нему, схватила за шею и с силой прижала к стене. Приблизила лицо к его лицу и прошипела:

– Полгода назад я могла сдать вас Трибуналу и получить целую горсть монет, но не сделала этого. Только благодаря мне вы не оказались в тюрьме, а ваша жена – на улице с маленьким ребенком на руках. Не давайте мне повода пожалеть о своем решении... и передумать. Я все еще Охотница, а в вашем доме целая гуща тэны и безделушки, зачарованные запрещенной

магией. Мне нужен человек, который покажет мне, где находится эта чертова Пропась! И вы мне его найдете!

Морриган вовремя ослабила хватку. Отступила на шаг, и в этот момент из комнаты вышла изможденная светловолосая женщина. В руке она держала револьвер. Страшно представить, сколько денег Эльза за него отдала. Судя по всему, квартал Одридж, как и прежде, был одним из самых опасных во всем Кенгьюбери, раз последние деньги Гейты потратили на такую дорогую игрушку.

– Что происходит? – звенящим от напряжения голосом спросила Эльза.

– Просто разговор старых знакомых, – невозмутимо отозвалась Морриган.

Гейт молчал, потирая шею со следами чужих пальцев.

– Джон, что эта девчонка хочет от тебя? – требовательно спросила Эльза, не опуская руки с зажатым в ней револьвером. Морриган даже на миг восхитилась силой духа этой хрупкой с виду женщины.

– Милая, это Морриган Блэр. «Вольная» Охотница. Я рассказывал...

– Я помню.

– Она хочет, чтобы я нашел для нее человека, который проведет ее в Пропась.

– Долги нужно возвращать, – спокойно сказала Эльза, опуская револьвер.

– Но я понятия не имею...

– Дэмьен Чейз.

С лица Гейта сошли все краски. Он испуганно переводил взгляд с жены на Морриган и обратно.

– Милая, я едва рассчитался с ним за тот раз!

– Вы, я смотрю, многим задолжали? – хмыкнула Морриган.

Эльза остановила на ней холодный взгляд.

– Можно поспорить насчет того, насколько позволительно заявляться в мой дом, пугать мою дочь и душить моего мужа...

– Я его не душила.

– ...но мы действительно тебе обязаны, – она повернулась к мужу. – А значит, мы должны вернуть долг. С Дэмьеном как-нибудь разберемся. Вызови его.

– Хорошо, – Гейт устало прикрыл глаза. – Я устрою тебе встречу с Дэмьеном – он отступник и, по слухам, живет в самой Пропаси. Но я не уверен, что он согласится отвести тебя туда.

– Это уже мои проблемы, – пожала плечами Морриган.

– Я найду его, но на это может потребоваться время, – торопливо сказал Гейт. Добавил, заметив ее недовольство: – Клянусь, я не сбегу. Нам... нам просто некуда бежать.

Выбора у Морриган не было. Сухо попрощавшись с супругами, она развернулась, чтобы уйти. И едва не налетела на девочку лет шести, которая вышла из спальни. Светлые волосы, серые глаза, худенькое личико – вся в маму. Бледная, худая и теперь понятно, отчего – Морриган явственно увидела на ее груди темное плетение чар. Людям, не владеющим ведьминским искусством, никогда и ни за что его не заметить.

Простая душница – легкое проклятие, вызывающее слабость и удушающий кашель. Наверняка проделки недоброжелателей или конкурентов Гейта. Морриган нарисовала в воздухе знак очищения и послала его в сторону Кору. Искорки осели на ее волосах. Проникнув сквозь кожу, они очистят кровь и избавят малышку от проклятия.

Эльза и Джон, к которым Морриган стояла спиной, ее манипуляций не увидели.

– Кора, иди к себе!

Напуганная тоном матери, девочка скрылась за дверью.

– Дэмьен придет к тебе, но ты больше никогда сюда не приходи, – ледяным тоном сказала Эльза.

Помедлив, Морриган перешагнула порог. Дверь тут же захлопнулась, замок закрыли на три оборота и, кажется, еще накинули сверху цепочку. Нелегко приходилось тем, кого практически не защищала магия.

Пожав плечами, она направилась домой.

Глава девятая

Ник и не рассчитывал, что, едва оказавшись в Архиве, в отделе для старших инспекторов, тут же нападет на след таинственного заклинателя, которые наслал на него забирающие дар чары. Но он никак не ожидал, сколько много времени уйдет на то, чтобы просто составить список возможных подозреваемых.

Архив представлял собой лабиринты стеллажей с длинными ящиками, забитыми серебряными пластинами мемокард, и делился на несколько отделов, отгороженных друг от друга клетками с магическими печатями на двери. Бляха с магическим ключом позволила Нику беспрепятственно проникнуть в нужный отдел. Зеркала наблюдения были только на входе, в охранниках не было нужды: в Архив заглядывали редко – в основном, чтобы оставить в недрах ящиков записанный на мемокарде отчет. Тем не менее, Меган пошла на должностное преступление, предоставив ему пропуск в отдел старших инспекторов.

Даже если вылазка в Архив не поможет продвинуться в деле, ее поддержка и искреннее участие – бесценно. А потому Ник не нашел ничего лучше, чем в знак благодарности пригласить Мег в фешенебельный ресторан... и с облегчением вздохнул, когда она в свойственной ей мягкой манере отказалась. Сейчас было совсем не то время, чтобы думать о свиданиях и разговорах в полумраке...

Ник находил информацию о расследованных им когда-то делах и скрупулезно выписывал имена, пытаясь найти ниточку, которая приведет его к заклинателю. Кенгьюбери – один из немногих городов, где существовала смертная казнь, еще двадцать лет назад узаконенная префектом Делспано. А потому некоторых людей он вычеркивал из списка сразу же, как только они туда попадали.

Минуты превращались в часы, и Ник все отчетливее понимал, что его затея не увенчается успехом. Из всего составленного им списка не было ни одного человека, подходящего на роль заклинателя. Не удивительно: те, кого он арестовывал, обычно так скоро из тюрьмы не выходили – его отдел специализировался на убийствах с применением черных чар.

Усталый взгляд упал на стопку мемокард, веером рассыпанных по столу: записи старших инспекторов Департамента, в том числе и Меган Броуди, сделанные во время расследования того или иного дела. Ник прикоснулся к одной из пластинок, читая проступившие на ней слова. Раздраженно выдохнул, так и не найдя того, что искал, и кинул мемокарду на стол. Его план, пусть не идеальный и – прямо скажем – сомнительный, с треском провалился.

Выйдя из Архива, Ник коснулся рукой медальона. Из глубин памяти всплыл образ Мег и, как только она отозвалась, Ник знаком стер ее лицо, оставив только голос, нашептывающий ему в уши – делать их разговор достоянием общественности не хотелось.

– Ну что? – встревоженно спросила она. – Удалось что-нибудь узнать?

– Нет, Мег, ничего, – сокрушенно признался Ник. – Конечно, я еще попытаюсь – приду сюда завтра и проверю все с самого начала, но... Мне кажется, что все это впустую.

– Ох, Ник, мне так жаль. Я, правда, хотела тебе помочь...

– Я знаю. И очень тебе за это благодарен.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь болтовней случайных прохожих. Даже не видя лица Мег, Ник хорошо себе его представлял: сочувственный взгляд, опущенные вниз уголки губ.

– Что будешь делать? – тихо спросила она.

– Пока не знаю. Для начала отдохну. Может, что-нибудь путное в голову придет.

– Я... – Мег вздохнула. – Увидимся завтра, да?

– Да. Увидимся завтра.

Разрывая связь, Ник думал о том, что впервые за полтора года их знакомства соврал Меган. Он прекрасно знал, что делать и куда идти.

Когда закон оказывается бессилен, на помощь приходит магия.

Портал-зеркало перенес его в квартал Цеури – небольшой участок на окраине города, где гордо возвышалось одно-единственное здание. Нику не раз приходилось обращаться к цеури, когда он заходил в тупик, расследуя очередное дело. Но они до сих пор внушали ему трепет, который обычно испытываешь от столкновения с необъяснимым. Вот и сейчас он на мгновение застыл в нескольких шагах от высокой башни, возвышающейся посреди зеленого луга.

Такая башня была в каждом городе, в каждой стране. И, что удивительно, попав в любую из них, человек видел одно и то же лицо. Его всегда встречала красивая темноволосая девушка с тонкими чертами лица и холодными глазами, которые не закрывались ни на миг.

Сколько догадок было высказано по этому поводу! Всех цеури сначала считали близнецами, но узнав, сколько их, мнение изменили. Еще одно предположение заключалось в том, что они заколдованы, благодаря чему их дочери вырастают их точной копией. Но чаще всего высказывалась мысль, что цеури – эта одна и та же девушка, создавшая миллионы собственных иллюзий. Как бы то ни было, узнать правду так никто и не смог.

Единственный вопрос, который цеури задавать было бессмысленно.

Преодолев невольный ступор, Ник приблизился к двери башни. Послал сущность воздуха в отверстие со струнами и, как только раздалась приятная мелодия, дверь тут же исчезла. Посреди совершенно пустого пространства башни, сцепив руки на животе, стояла цеури в белоснежном платье. Ее глаза из-за постоянно поднятых век казались кукольными. Неуютно ощущая себя под пристальным взглядом немигающих глаз, Ник произнес традиционную фразу:

– Я хочу поделиться своими воспоминаниями.

– Подойди ближе, – кивнула хозяйка башни.

Как только Ник приблизился, цеури положила руки на его виски и заглянула в глаза. Впитывала знания, опыт, воспоминания – плата за возможность задавать вопросы. Цеури работали как живые мемокарды, считывающие информацию прямо из человеческой головы. Приходя к ним, человек делился пережитым, простым усилием воли скрывая сокровенное, личное. А в обмен получал воспоминания людей по всему миру, которые могли дать ответ практически на любой вопрос. На всех сотрудников Департамента – для надежности – накладывали особые чары, которые при всем желании не позволили бы агенту открыть цеури информацию о расследуемых ими делах.

Ник не мог ни пошевелиться, ни отвести взгляд, но неприятных ощущений не было – лишь легкая щекотка в голове. И все же, когда цеури отстранилась, с его губ сорвался облегченный вздох.

– Что бы вы хотели узнать взамен? – все тот же мелодичный, но лишенный всяческой эмоциональной окраски голос.

– Я хочу знать о сивилле из Кенгьюбери.

Прежде Ник предпочитал решать проблемы собственными силами, без помощи таинственных колдуний, которые умели читать прошлое, настоящее и будущее. К тому же, как показало одно-единственное посещение сивиллы в маленьком городке Тенге, слухи об их мастерстве предсказания были весьма преувеличены. Сивилла из Тенге любила говорить загадками и иносказаниями, окутывая крохотное зерно истины в кружевную вязь слов. Тогда это не вызвало ничего, кроме раздражения – выплатив причитающиеся предсказательнице деньги, Ник навсегда покинул ее дом.

И вот теперь он по собственной воле идет к той, кому почти не верит. Впрочем... говорят, отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Цеури вновь прикоснулась пальцами к его вискам. В сознание Ника ворвались потоки чужих воспоминаний. Почти все они были для него абсолютно бесполезны – разговоры, в которых упоминалось слово «сивилла», но потом... Сцена глазами девушки – он, конечно же, не видел ее лица, но слышал ее голос. Подруги, сидящие перед ней за столиком в летнем кафе, внимали каждому ее слову. А незнакомка взахлеб рассказывала, как сивилла из квартала Алайя помогла понять, что на ее дочурке, которая проболела всю прошлую зиму, лежит проклятие – постаралась соперница, у которой рассказчица увела парня.

Проклятие... То, что нужно.

– Она, – хрипло сказал Ник. – Мне нужно ее воспоминание, чуть раньше.

Цеури не сделала ни единого движения, но воспоминания в голове Ника изменились. Все тот же голос – чуть хриловатый, взволнованный, а напротив уже не девушки из кафе, а худая женщина со светлыми глазами и удлинненным лицом.

– Могу я узнать ее фамилию? Улицу, где она живет? – Ник знал, что в этот момент цеури видит то же, что и он сам, будто разделяя на двоих одно воспоминание.

Она покачала головой, ответив:

– Эта информация закрыта.

Вряд ли незнакомка не захотела ею делиться. Скорее, просто не запоминала адрес и не произносила его, а сивиллу называла просто «сивиллой».

Ник на мгновение задумался.

– Хорошо. Тогда мне нужно ее воспоминание за пять минут до этого. Должно быть что-то. Улица, по которой она шла. Что там находилось?

– Еще одно воспоминание, – потребовала хозяйка башни.

Ник вздохнул. С цеури никто не спорил.

Когда она снова прикоснулась к его вискам прохладными пальцами, он отдал еще не использованное – воспоминание о вечере с Раском, Глеманном и Мег. Но только до момента, когда он во всем ей признался. Ник понятия не имел, кому и зачем оно могло понадобиться, но цеури тоже никогда не оспаривали плату. Видимо, даже кажущееся мелочным и бесполезным, такое воспоминание могло кому-то помочь. Например, какому-нибудь шутнику, у которого иссякли запасы скабрёзных анекдотов.

Не говоря ни слова, цеури показала еще один небольшой фрагмент из жизни незнакомки с больной дочкой. Ник увидел главную улицу квартала Алайя, а полминуты спустя узнал, что хозяйка воспоминания вошла в пятый дом со стороны моста.

Кивком простившись с цеури, он покинул стеклянную башню. Направляясь к портал-зеркалу, гадал: сможет ли сивилла ему помочь? Что увидит, взглядевшись в глаза человека, который медленно утрачивал данный ему с рождения дар?

Как бы то ни было, сивилла оставалась последней его надеждой.

Глава десятая

Бадб, вновь сменившая обличье ворона на обличье человека, до хрипоты убеждала дочь, что ее затея обречена на провал.

– Пойми, Клио может сойти с ума от воздействия настолько мощных чар!

– Она сильная, мама. А еще, позволь напомнить, она ведьма. Сила, которую ты передала Клио при рождении, ее защитит.

– Ты ее мучаешь...

– Клио мертва, – оборвала мать Морриган. – И если я ничего не предприму, мертвой она и останется. А ты убеждаешь меня прекратить бороться. Я никогда на это не соглашусь.

Леди Ворон сложила руки на груди и пронзила дочь тяжелым взглядом.

– Но с моей смертью ты смириться смогла.

– С тобой все было иначе, – отрезала она. – У меня не было ни твоего тела, ни души, и ты... совсем другая. Для тебя смерть – привычное явление, магия смерти – твоя родная стихия. Клио... чуткая, впечатлительная. Ты представляешь ее бредущей среди духов по Миру Теней?

Морриган резко качнула головой. Нет. Она этого не допустит – во всяком случае, не сейчас. Смерть всегда одерживает вверх над жизнью, но так быстро Клио она не получит.

Упрямство матери злило. Бадб сама признавалась Морриган, что ей часто снятся кошмары, мучают галлюцинации – так смерть пытается затянуть ее в свой омут, оборвать последнюю нить, связывающую ее с миром живых. А хрупкой и нежной Клио всего семнадцать лет...

– Морриган, ты строишь воздушные замки. Ты даже еще не знаешь, где искать бокора!

– Узнаю. Ты переживаешь за нее или за то, что снова останешься в одиночестве, если я не выпущу душу Клио из сферы на волю? – холодно спросила Морриган.

Леди Ворон приняла оскорбленный вид.

– Клиодна – моя дочь.

– И моя сестра, – парировала Морриган. – И если есть хоть один шанс вернуть ее к жизни, я готова вывернуться наизнанку, нарушить все мыслимые законы Трибунала, но сделать это.

Их жаркий спор прервал стук в дверь. Напоследок наградив дочь недовольным взглядом, Бадб обернулась вороном и улетела в открытое окно. Морриган проводила ее взглядом прищуренных глаз, и только после этого отперла дверь.

Она ожидала увидеть Ника, Гейта или трибуна, принесшего ей, официально зарегистрированной в канцелярии Трибунала Охотнице, заказ на очередного отступника. Вместо этого увидела высокого незнакомца с коротко стриженными и бритыми по бокам темными волосами. Крепкие руки в карманах кожаной куртки, расстегнутая на груди рубашка, обнажающая татуировку-символ на шее и часть другой, уходящей на торс – распахнувшего пасть черно-белого тигра. Холодный прищур серых глаз делал похожим на хищника и самого владельца тату. Молодой – лишь на пару-тройку лет старше нее – он источал отчетливое ощущение внутренней силы.

– Дэмьен Чейз? – поняла Морриган.

Выдержала его взгляд. «Не на ту напал, милый. В гляделки я могу переиграть и самого дьявола».

Усмехнувшись своим мыслям, он вынул руки – запястья оплетали татуированные змеи, чьи головы весьма красноречиво заканчивались у фаланг средних пальцев – и прошел мимо нее в дом. Не спрашивая разрешения, вольготно расположился в кресле. Обескураженная такой наглостью, Морриган смотрела на гостя, красноречиво изогнув бровь.

Дэмьен в свою очередь без стеснения изучал ее. Насмешливо заметил:

– Что-то ты слишком маленькая для Охотницы.

– Маленькая? – вспыхнула она. Усилием воли подавила возмущение, поняв, что именно этого Дэмьен и добивался – вывести ее на эмоции. Сказала подчеркнуто хладнокровно: – Мне рано пришлось повзрослеть. Как, полагаю, и тебе.

– Вольная? Что-то многовато нас в последнее время развелось.

Морриган неопределенно повела плечом. Люди – вестники перемен. А этот мир давно уже изменился.

– Зачем ты хотела меня видеть?

– Я хотела видеть того, кто покажет мне вход в Пропасть. Если, конечно, она – не миф.

– Как я понимаю, других кандидатов в проводники у тебя нет, – пожал плечами Дэмьен. – Тогда вопрос: с чего ты взяла, что я тебе, Охотнице, открою вход в обитель отступников? Чтобы ты переубивала половину или всучила в лапы шавкам Трибунала, торопясь выслужиться перед ними?

– Я никогда ни перед кем не выслуживаюсь, – процедила Морриган, но ее протест нахала только позабавил. – И если твое имя заставило Джона Гейта побледнеть, думаю, ты успел заслужить определенную репутацию. Но, как видишь, вызывать трибунов я не спешу.

– Слабое утешение.

Внутри медленно поднималась волна раздражения. План Морриган и прежде казался трудновыполнимым, но проводник ей попался куда более несговорчивый, чем она предполагала. Впрочем, что с него взять? Дэмьен был отступником. Бесцеремонным, беспринципным, готовым идти против правил... но защищать свою стаю.

– Я тебе хорошо заплачу. Деньгами, чарами – чем угодно.

– Чем угодно, говоришь? – хмыкнул Дэмьен. Окинул Морриган с ног до головы оценивающим взглядом, словно впервые ее увидел.

– Сотри ухмылку со своего лица, иначе я сделаю это за тебя, – прошипела она. Да, не слишком разумно ссориться с единственным пока информатором, но как же он раздражает!

На лице Дэмьена Чейза отразилась скука.

– Разговор окончен. Мне это не интересно.

Он резко поднялся и направился в сторону двери. Морриган не могла позволить ему уйти. Ей нужен был бокор. Ей нужен был путь в Пропасть.

Ей нужна была сестра.

– Стой! – в отчаянной, злой попытке задержать Дэмьена, Морриган схватила его за руку.

И в тот же момент была отброшена к стене мощнейшим магическим импульсом.

Мгновения полета оборвались, когда ее голова со стуком встретилась со стеной. Но прежде она увидела глаза стремительно оборачивающегося к ней Дэмьена. И готова была поклясться – они полыхали алым пламенем.

В воздухе повисло плотное облако тэны. В голове помутилось. Как только мир перестал вращаться и раздваиваться, Морриган вскочила на ноги. Выхватила плетъ-молнию, и, подскочив к Дэмьену, ударила его разрядом. Еще и еще раз. Падая, он прохрипел:

– Прекрати...

– Прекратить? – Морриган была вне себя от ярости. – Eskies tala!

Дэмьен отлетел назад и впечатался головой во входную дверь. Такая сладкая месть... И прозрачный намек – выход прямо перед тобой, больной ублюдок!

Он выставил ладонь, жестом прося ее остановиться. Помотал головой, приходя в себя. Странно: глаза нормального, серого оттенка. Но Морриган могла поклясться: увиденное не было плодом ее воображения.

– Подожди, я... Прости.

Она уже ничего не понимала.

– Никогда не касайся меня так резко, слышишь? – глухо сказал Дэмьен.

– Это что, какая-то патология?

– Просто защитная реакция, – бросил он, тяжело поднимаясь с пола.

Морриган нервно рассмеялась. Ну уж нет. Произошедшее никак не укладывалось в рамки понятия «просто защитная реакция». Это какие-то сверхчеловеческие рефлексy! Она же видела своими глазами: стоило ее пальцам коснуться его руки... и в следующее же мгновение ее отбросило назад магическим импульсом – невидимым, но хорошо ощутимым ударом.

– Теперь *мне* хочется, чтобы ты ушел.

– Я же извинился.

– Иногда этого бывает недостаточно, – холодно сказала Морриган, все еще ощущая пульсирующую боль в затылке.

Пожав плечами, Дэмьен развернулся, чтобы уйти.

– Впрочем... Если ты покажешь мне, где находится вход в Пропась... – вкрадчиво начала она.

– То, что я воспринял тебя как угрозу и малость переборщил с чарами, еще не означает, что я готов загладить свою вину, впустив тебя в Пропась. Я лишь удостоверился в том, что для ее обитателей ты опасна.

– Ах, ну да, конечно. Если не быть покорной овечкой и не терпеть смиренно, пока тебя бьют – значит, быть опасной, то я согласна, – ядовито сказала Морриган. Прикрыв глаза, медленно выдохнула. – Дэмьен... Мне нужна твоя помощь.

Просить казалось унижительным, но... «Ради Клио, – стучало в голове, – только ради нее».

– Это касается моей сестры. Она мертва, но...

На лице, будто состоящем из одних острых углов, промелькнуло подобие заинтересованности. Морриган поспешила этим воспользоваться.

– Есть шанс, что ее смерть можно... скажем так, предотвратить.

– Предотвратить, если она уже случилась? – изумился Дэмьен.

– Клио, как и я – потомственная черная ведьма...

Он вскинул брови.

– Ты – черная ведьма и при этом Охотница? Не кажется ли это тебе лицемерием?

– Не кажется, – отрезала Морриган. – Для Трибунала я – зеркалица, вполне себе законопослушная белая ведьма. Но по своей природе... я та, кто я есть. И наша с Клио маленькая особенность дает нам некоторые преимущества – нас не так-то просто заставить покинуть мир живых. У меня есть ее тело, есть ее душа, которую я вытянула из чертова зеркала... неважно. Теперь мне нужно отыскать бокора. Я знаю, что они скрываются от Трибунала в Пропаси.

– Как и все прочие отступники, – сухо отозвался он.

– Дэмьен, пожалуйста. Я никому не причиню зла. Мне нет дела до тех, кто прячется от Трибунала. На кону стоит жизнь Клио. Я иду в Пропась не как Охотница, а как обычная девушка, которая хочет вернуть к жизни сестру.

Какое-то время Дэмьен пристально изучал ее лицо, будто пытаясь заглянуть в самую душу. Затем сказал, правдоруб чертов:

– Есть в тебе что-то... странное. Не внушающее доверия.

Морриган лишь бесстрастно пожала плечами.

– Меня воспитала мертвая женщина, прославившаяся талантом развязывать войны одним взмахом ресниц. Мне положено быть странной. И не внушающей доверия.

Дэмьен понимающе усмехнулся.

– Покажи мне Клио.

– Что? – Морриган задохнулась.

– Покажи. Мне. Свою. Сестру. Ты сказала, что у тебя есть ее тело. Я хочу удостовериться, что это не вранье.

Ей совсем не нравилось происходящее. Мало того, что она и так рассказала Дэмьену – незнакомцу! – больше, чем знал тот же Ник, так еще и должна была показать ему самое сокровенное, не предназначенное для чужих глаз – тело мертвой сестры.

– Если я покажу тебе ее, ты отведешь меня в Пропасьт?

– При одном условии, – серые глаза сощурились. – Перед путешествием в Пропасьт я нанесу на твою кожу печать, которая заблокирует твою черную магию – белая, так и быть, останется при тебе.

– То есть я окажусь практически безоружной среди отступников? И стоит тебе шепнуть кому-то, что я – Охотница, как меня тут же разорвут на мелкие клочки? – холодно усмехнулась Морриган.

– Видишь, – усмешка Дэмьена была не теплее ее собственной, – мы оба рискуем.

Играть по чужим правилам – что может быть унижительнее для ведьмы? Но если от этого зависит жизнь Клио...

– Хорошо. Я согласна на это условие.

– Но ты еще не выполнила первое.

Морриган пробормотала себе под нос нецензурную фразу, но Дэмьен даже ухом не повел. Его лицо вообще казалось высеченным из камня – бесстрастное, со скудной мимикой. Впрочем, Морриган и сама не могла похвастаться широким спектром эмоций в своем арсенале. Ведьминская сущность, взросление под надзором устрашающей Бадб Блэр, а после – среди грубоватых охотников за головами, наложили свой отпечаток. Наверняка и Дэмьен Чейз – молодой отступник с каменным лицом, полыхающими алым, когда им вздумается, глазами и невероятными рефлексам – хранил в своей душе немало тайн.

Морриган жестом велела Дэмьену следовать за ней. Подошла к столу, коснулась лежащей на нем сферы, снимая защиту. Рой серебристых бабочек взлетел к потолку, чтобы несколькими мгновениями спустя опуститься на пол и образовать человеческую фигуру. Клио спала безмятежным сном, даже не подозревая, какая борьба развернулась за ее жизнь.

– Красивая, – равнодушно сказал Дэмьен. Чужая смерть его не пугала – наверняка и ему приходилось терять близких и родных.

– Очень, – прошептала Морриган, глядя на миловидное личико сестры. Ей всего семнадцать, а она уже мертва. Встряхнула головой, сбрасывая оцепенение: – Так ты мне поможешь?

Тяжелый взгляд глаз цвета пасмурного неба. Короткий кивок.

– Помогу.

Глава одиннадцатая

Для похода в Пропась Морриган оделась в своем привычном, броском стиле – но так, чтобы как можно меньше походить на Охотницу, которая вздумала наведаться в убежище своих заклятых врагов. Или, точнее, жертв, которые привыкли считать врагом ее. Остановила выбор на обтягивающем платье до колен глубокого винного оттенка. Вдела в уши длинные серьги и, взглянув в зеркало, удовлетворенно хмыкнула. Теперь никому и в голову не придет заподозрить в ней Охотницу.

Морриган переложила во вместительную кожаную сумку обе сферы, зеркала, набор длинных свечей в коробке, пахучие травы, чехол с эликсирами и верную плетью-молнию. Дверь на этот раз она заперла магической печатью – кто знает, сколько времени уйдет на поиски бокора?

Дэмьен ждал ее снаружи – прислонился к стене дома, скрестив руки на груди. Челюсти крепко сжаты – так, что вырисовалась четкая линия, прищуренные глаза изучают прохожих, бредущих по вечернему городу.

– Давно здесь не был? – поинтересовалась Морриган.

Дэмьен коротко взглянул на нее, но ничего не ответил. Она фыркнула. Не больно-то и хотелось вести светскую беседу. К тому же все ее мысли сейчас всецело принадлежали Клио... и тому месту, куда они сейчас направлялись.

Пропась. Пристанище отступников, сбежавших от наказания Трибунала или практикующих черных ведьм и колдунов, которым хотелось творить чары, не попадаясь на глаза служителям закона. Убежище отщепенцев, отбросов цивилизованного общества, ставящего белую магию во главу угла и избегающего магии черной. Общества, которое боялось нарушать запреты.

Морриган с детства слышала самые разные байки о Пропаси, которая не существовала ни на одной карте Кенгьюбери. То ею провозглашали некий храм, который окружали настолько мощные чары, что делали его совершенно невидимым для посторонних глаз. То Пропасью назывались тоннели канализации, в которых и прятались отступники – пожалуй, самая беспомощная из всех возможных версий: если обитель беглых магов можно было найти, просто спустившись под землю, то почему ни Трибунал, ни Департамент этого еще не сделали?

И только Бадб, которая в обличье ворона путешествовала по всему Кенгьюбери, проникла в самые секретные и темные его уголки, и, оставаясь незамеченной, подслушивала людские разговоры, смогла приоткрыть для дочери завесу тайны. В Пропаси, в отличие от тщательно контролируемого Трибуналом Кенгьюбери, в отношении черных чар царила полная вседозволенность. Там действовали другие законы: ни агентов Департамента, ни трибунов – правосудие вершили короли города. На поддержание чар, защищающих Пропась от вторжения чужаков, уходили огромные силы, но только так можно было сделать ее надежным убежищем, гарантируя отступникам свободу и безопасность.

Даже душа Бадб в эфемерном теле ворона не сумела проникнуть сквозь оберегающий Пропась барьер. И что самое любопытное, каждый день вход туда менял местоположение. Прикрытая иллюзией дверь в Пропась пряталась то в бухте на юге города, то на черном рынке, умело маскирующемся под обычный, где из-под прилавка торговали амулетами с запрещенными чарами вроде тех, что делал Джон Гейт. Иной раз выбравшиеся в Кенгьюбери колдуны приводили Леди Ворон к неприметному домишке – по всей видимости, принадлежащему одному из посвященных в тайны Пропаси, где и скрывался вход.

Затем колдуны плели странные, незнакомые Бадб чары, и иллюзия развеивалась, открывая лестницу вниз. Что было там, у ее подножья, Леди Ворон увидеть так и не смогла – когда

она в обличье чернокрылой птицы решила нырнуть вниз, то больно ударилась о пол, сомкнувшийся над головами ушедших.

Не удивительно, что отступники так трепетно хранили тайну своей обители. Тем поразительней, что Морриган – Охотнице, наемнице, получающей заказы на поимку отступников напрямую от Трибунала, выпала возможность увидеть легендарную Пропать. Главное, чтобы Дэмьен не обманул, натравив на нее одержимых местью ведьм и колдунов. От этого зависели жизни двух людей – и самой Морриган, и Клиодны. Даже если – при самом худшем раскладе – сил Бадб хватит, чтобы вытянуть их в царство мертвых... Морриган могла представить себя там, в этой мерзлой безжизненной серости, и в краткие моменты в мире живых – в обличье ворона, змеи или волка... Но для хрупкой Клио такой участи она не хотела.

– Для девушки, которой нужна помощь, ты оделась соответствующе, – с одобрительной усмешкой заметил Дэмьен.

– Не хами, – бросила Морриган.

Он оттолкнулся от стены.

– Дай руку – нужно поставить печать.

– И что? Она заблокирует всю мою магию? – недовольно спросила она.

– Не всю. Только способность к наложению черной – чтобы ты не смогла убить никого из моих знакомых или друзей. Убить, отдать в жертву своей богине или что еще вы, Охотницы и черные ведьмы, делаете с людьми.

Морриган закатила глаза. При других обстоятельствах Дэмьену пришлось бы узнать, что значит насмехаться над черной ведьмой. Увы, он пока еще был ей нужен.

Дэмьен коснулся ногтем кожи у локтя – повыше спрятанных сейчас личностных татуировок. Вслед за его, казалось бы, мимолетным прикосновением пришла жгучая боль. Стиснув зубы, Морриган терпела – таким, как Дэмьен, ни в коем случае нельзя показывать свою слабость, даже вполне оправданную. Не прошло и минуты, как на ее коже образовался причудливый узор из густо-черных линий. Тэны не было – надо же, отступник откуда-то знал белые чары...

– Я поставил метку, – с ленцой сказал Дэмьен. – Печать рассеется сама по себе, когда окажешься рядом с домом. Мне придется завязать тебе глаза.

Не успела Морриган и рта раскрыть, как на ее лицо опустилась черная повязка, плотно закрывшая глаза. Мелькнуло машинальное: «Хорошая иллюзия – ткань, как настоящая». Чуть запоздав, пришло возмущение.

– Мог бы и предупредить!

– Я предупредил, – невозмутимо отозвался Дэмьен. – Разве нет?

Морриган резко выдохнула воздух через ноздри. Ничего, терпеть общество бесцеремонного отступника ей осталось недолго.

Поскольку Дэмьен, совершенно не беспокоясь о реакции прохожих, накинул на нее иллюзию прямо посреди улицы, а затем еще несколько шагов вел вперед, придерживая за локоть, она понятия не имела, где именно прятался вход в Пропать и что сделал Дэмьен, чтобы его открыть. И когда повязка слетела, превратившись в тонкую нить остаточной энергии, Морриган уже находилась в Пропати.

Она ожидала увидеть подземные тоннели, путаную сеть пещер или даже каменную громаду иллюзорного форта. Но реальность превзошла все ее ожидания. Перед Морриган раскинулся огромный город, самый необычный и поражающий воображение из всех, в которых ей, странствующей наемнице, довелось побывать.

Над ее головой больше не было неба – лишь толща земной тверди. Вверх поднимались гигантские скальные столбы, на которых стояли каменные дома всех форм и размеров. Разбитый на островки, связанные между собой перекинутыми через пропасть мостами, подземный город казался многослойным – некоторые островки имели несколько ярусов, соединенных

друг с другом каменными лестницами. Лестницы уходили вниз, туда, где чернела пропасть – непроницаемая бездна, очевидно, и давшая название этому странному городу.

В центре, отгороженный от всех окрашенной мраком бездной, на обособленном островке высился настоящий замок с башнями и колоннадами. Здесь было достаточно света – его обеспечивали пять небольших солнц, парящих в «небе» подземелья – по одному на каждую из частей Пропasti, включая и замок в самой его сердцевине.

– Вау, – коротко резюмировала Морриган.

Усмехнувшись, Дэмьен направился вниз по ведущей к подножью города лестнице. Перила совсем тонкие, перепрыгнешь – и отправишься в долгий полет до самой бездны. Морриган порывалась спросить Дэмьена, что находится там, внизу, но передумала. Была уверена, что он попросту ей не ответит. Все-таки здесь, в Пропasti, она – лишь незванный гость. Чужачка.

После сотой ступени она сбилась со счета и просто с интересом озиралась по сторонам. Еще одна лестница, теперь уже наверх... Перейдя по перекинутому через пропасть мосту, они достигли одного из островков. Морриган застыла, разглядывая башню, изрешеченную вытянутыми стрельчатыми окнами, в которых мелькали человеческие фигуры. Башня возвышалась над протяженной площадью, шумной и многолюдной – казалось, здесь было больше народа, чем на главной площади Кенгьюбери.

Жители Пропasti оказались весьма колоритны. За несколько минут пребывания в подземном городе Морриган успела увидеть леди в шляпке с перьями и платье с длинным шлейфом, который придерживала измученная служанка; дикарку в рваной юбке, с обнаженной грудью и костяными бусами на шее; беловолосую незнакомку в простом платье, к которой жался внушительных размеров волк, и худого как скелет бритоголового колдуна с совершенно белыми глазами и лицом, украшенным узором из синей краски.

Стучали о каменную кладку каблуки дам, одетых и по последней моде Кенгьюбери, и облаченных в старинные одеяния вроде балахонов с капюшонами, низко надвинутыми на лоб. Запах дорогих духов... и плотное облако тэны, повисшее над головами людей – никому и в голову не приходило развеивать ее, ведь прятаться в Пропasti не от кого. Да и вряд ли здесь вообще бывали такие, как Морриган – умеющие чувствовать и распознавать тэну.

«Абсолютная вседозволенность», – вспомнились ей слова Бадб. Наверное, это очень соблазнительно...

Остановившись в центре площади, Дэмьен развернулся к Морриган и насмешливо сделал приглашающий жест.

– Добро пожаловать в Пропасть.

С трудом удержавшись от того, чтобы в очередной раз не закатить глаза, она спросила:

– Ты ведь не первый год здесь живешь, верно? Ты должен знать хотя бы одного бокора.

– Может быть, – пожал плечами Дэмьен. – Ну, пока.

Он развернулся и попытался затеряться в толпе прохожих. Морриган остолбенела от такой наглости. Она привыкла, что мужчины охотно идут ей навстречу, но Дэмьен, хоть и провел ее в Пропасть, к судьбе Клио остался совершенно равнодушен. Впрочем, отчасти Морриган его понимала. Кому, как не ей, знать: доброта в этом мире выжить не поможет, а вот эгоизм – лучший способ достичь своих целей, не отвлекаясь на чужие проблемы.

Вот только Дэмьен еще не знал, что от Морриган Блэр избавиться не так-то просто.

Она догнала его, ловко лавируя на высоченных шпильках между спешащими куда-то людьми. Уже протянула руку, чтобы коснуться плеча Дэмьена, затянутого в кожу, но вовремя вспомнила его неконтролируемую вспышку – то ли чар, то ли эмоций. Ускорив шаг, поравнялась с ним и резко спросила:

– Чего ты хочешь?

– Что, прости?

Своего Морриган добила: Дэмьен остановился.

– Мне нужен бокор, – заставляя себя быть терпеливой, вкрадчиво сказала она. – А ты знаешь, где его искать. Так будь ласков, скажи мне.

– Ты ведь не отвяжешься, да? – мученически вздохнул он. – Что, будешь преследовать меня в кошмарах? Или что вы там, ведьмы, творите на досуге с невинными людьми?

– Ты живешь в Пропasti. Ты лучше меня знаешь о ведьмах. А менее невинного человека, чем ты, и представить сложно, – ядовито парировала Морриган. – А теперь, будь добр, сэкономь нам обоим время. Просто скажи мне, где искать бокора.

– Слушай, ты мне надоела, – устало бросил Дэмьен.

Морриган задохнулась от возмущения. Испепелить бы зарвавшегося нахала на месте! Заодно и репутацию безжалостной черной ведьмы подтвердит. Жаль, но ей все еще нужна была помощь проводника. Если она будет бродить по Пропasti и приставать к людям с вопросами, рано или поздно кто-нибудь заинтересуется, кто она такая и что здесь делает. Один взгляд на татуировки на руке, и о ее профессии узнает вся Пропасть.

– Дэмьен... – голос Морриган звенел от тщательно скрываемого гнева.

– Я не люблю Охотниц, ясно? – резко оборвал он. – Свое дело я сделал. Ты мне уже задолжала – больше взять с тебя нечего.

– Чего ты хочешь? – не сдавалась она. Не может такого быть, чтобы человека нельзя было подкупить. – Денег? Магии? Я могу поделиться с тобой частью своей силы...

– Чтобы ты оставила меня в покое. Вот чего я хочу.

Засунув руки в карманы кожаной куртки, Дэмьен направился прочь.

Морриган смотрела отступнику вслед, закипая от злости. Пришлось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы не наслать на него какое-нибудь проклятие. Она медленно разжала руки, сами собой сжавшиеся в кулаки. На ладонях отпечатались полукружья ногтей.

«Ты, Дэмьен Чейз, только что нажил себе врага».

Глава двенадцатая

Морриган не могла отождествлять Пропасть с родным Кенгьюбери – слишком уж подземный город был иным и... чужим. Она сама была здесь чужой. Взгляды прохожих жгли затылок, кто-то и вовсе открыто ее рассматривал. Ускорив шаг, Морриган нырнула в проулок между двумя домами с покатыми крышами. Выглянула из своего укрытия и несколько мгновений просто наблюдала за людьми.

Первое, что нужно сделать, чтобы не выделяться из толпы – одеться соответствующе. Большинство жителей Пропasti одевались так, будто собрались на карнавал или пересмотрели иллюстрированных книг про магов прошлых веков. Женщины, питающие страсть к роскошным нарядам, разумеется, особенно отличились: высокие воротники, глубокие декольте, пышные юбки или юбки с разрезом, чтобы как можно больше оголить стройные ноги. Некий коктейль из современной моды и моды прошлых эпох.

Морриган считала себя леди – несмотря на раннее взросление и бунтарскую жизнь Вольной, которая в ее случае подразумевала обучение боевым искусствам и владению оружием с тринадцати лет; несмотря на сомнительный для многих род занятий и принадлежность к широко известной среди ведьм и отличающейся особой репутацией семье Блэр. Бедная Клио... Одно время она даже фамилию хотела сменить – из-за того, что одноклассники ее, потомственную Блэр, боялись и сторонились.

Именно стремление быть леди вопреки всему и заставило Морриган подойти к вопросу выбора наряда с особой тщательностью.

Черный атлас с кружевами – лучший выбор для вечернего выхода молодой ведьмы. Подол она опустила до самых пят, но спину оставила оголенной – в подземном городе царила вечная весна. Взяла руками волосы, алой вуалью иллюзии тронула губы, очерчивая контур, подчеркнула глаза и скулы, прибавляя себе пару-тройку лет. Теперь ни один мужчина не сможет устоять – даже к чарам прибегать не придется. Вынув из сумки зеркало, она усмехнулась. Берегись, Пропасть – Морриган Блэр вышла на охоту.

С самоуверенностью пришлось повременить, когда она поняла, что понятия не имеет, куда идти и кого обезоруживать своим обаянием. Не кричать же на каждом углу: «Эй, кто поможет мне найти бокора?»

Первым делом нужно было раздобыть информацию. Морриган отыскала гостиницу и сняла комнату – кто знает, на сколько дней придется задержаться. Владелицей оказалась молодая и молчаливая девушка с тяжелой копной рыжих волос. То ли гостиница досталась ей по наследству, то ли иллюзией сбавила себе несколько годков.

В Кенгьюбери магия иллюзии делилась на несколько ступеней, которые строго контролировал Трибунал. Первая, наипростейшая ступень, позволяла вносить лишь легкое изменение в собственную внешность, добавляя красок, но не затрагивая черты лица – то, что называли макияжем. Ею же можно было привнести изменения в интерьер – вроде невинного разукрашивания обоев и обивки дивана.

Вторая ступень позволяла создавать предметы мебели из воздуха – увы, исключительно визуальные и очень недолговечные, а также изменять фигуру, к чему охотно и довольно часто прибегали представительницы прекрасного пола. Но, как и любые чары, иллюзия не могла существовать вечно и требовала значительного количества магических сил на ее поддержание, к чему далеко не все были готовы. Это приводило к тому, что, желая визуально «похудеть», женщины запасались большим количеством экфо – если их собственной магии не хватало на бытовые и иллюзорные чары. Тут уж приходилось выбирать – или тренировать силу воли и худеть естественным путем или тратить немалые деньги на экфо для подпитки иллюзии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.